

НИЖЕГОРОДСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ ОФФІЦІАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Постановленія и распоряженія Правительства.— Извѣстія.

1-го января № 21 1864 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 28 января сего года, въ коемъ изъяснено, что Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, проэктъ измѣненія статей пенсіоннаго устава о правѣ на пенсіи чиновниковъ, выходящихъ въ отставку по тяжкимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, мнѣніемъ положилъ: 1) статьи 5, 6, 91, 161, 162, 443, 506, 553, 594, 622, 640, 694, 912, 975 и 978 Уст. о пенс. и единов. пособ.

(Св. Зак. 1857 г. Т. III), изложить такимъ образомъ: ст. 5. Единовременныя пособія опредѣляются чиновникамъ, оставляющимъ службу: а) по тяжкимъ и неизлечимымъ болѣзнямъ (согласно ст. 91 сего Устава) за выслугу отъ одного года до пяти лѣтъ; б) по совершенно разстроенному на службѣ здоровью и по приключившейся на службѣ неизлечимой болѣзни, дающимъ право на пенсію по 90 ст. сего Устава, за выслугу отъ пяти до десяти лѣтъ. Но чиновники сіи, если, получивъ облегченіе отъ болѣзней, вновь поступятъ на службу, — при вторичномъ оставленіи оной не пользуются таковымъ пособиемъ. Ст. 6. Такіе чиновники, кои отъ какого либо увѣчья, полученнаго во время дѣйствительнаго отправленія своихъ должностей, или по причинѣ внутреннихъ тяжкихъ и неизлечимыхъ болѣзней (по ст. 90 и 91), продолжавшихъ отъ усиленныхъ трудовъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, сдѣлаются неспособными продолжать службу, не только пользуются единовременнымъ пособиемъ или пенсією, но имѣютъ еще право просить о выщемъ ихъ призрѣніи особый Комитетъ, именно для сего учрежденный (см. ниж. разд. III). Ст. 91. Чиновники, одержимые тяжкими неизлечимыми болѣзнями, лишаясь ими не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постояннаго посторонняго ухода (случаи эти объяснены въ изданной отъ Медицинскаго Совѣта для врачей инструкціи), получаютъ при отставкѣ, въ пенсію: прослужившіе отъ пяти до десяти лѣтъ — одну треть оклада, слѣдующаго имъ по росписанію; прослужившіе отъ десяти до двадцати лѣтъ — двѣ трети, а прослужившіе двадцать лѣтъ — полный окладъ. Ст. 161. Медицинскія свидѣтельства о болѣзни лицъ, испрашивающихъ пенсіи, имѣютъ законную силу въ такомъ лишь случаѣ, когда освидѣтельство произведено по требованію надлежащаго присутственнаго мѣста или начальства, при особо командированномъ отъ сего мѣста или начальства лицѣ (депутатѣ) и по удостовѣреніи мѣстною полицією въ тождествѣ больнаго, если свидѣтельствующіе врачи и депутатъ не знаютъ его лично. Въ губернскихъ

городахъ освидѣтельствоваіе сказанныхъ лицъ, на основаніи данной отъ Медицинскаго Совѣта врачамъ инструкціи, должно быть производимо въ присутствіи Губернскаго Медицинскаго Управленія, или, если болѣзненное состояніе свидѣтельствуемаго не дозволяетъ ему туда явиться, чрезъ членовъ он го; въ уѣздахъ же освидѣтельствоваіе производить уѣзднымъ, а въ городахъ — городовымъ врачомъ; причемъ выданныя ими свидѣтельства утверждаются Губернскимъ Медицинскимъ Управленіемъ окончательно. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, свидѣтельства сіи передаются на разсмотрѣніе и утвержденіе высшихъ Медицинскихъ инстанцій: Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Медицинскаго Совѣта, а именно: а) когда Губернское Медицинское Управленіе встрѣтитъ затрудненіе дать положительное заключеніе о правѣ больнаго на пенсію, на основаніи подлежащихъ статей Пенсіоннаго Устава; б) когда между членами Губернскаго Медицинскаго Управленія возникнетъ разногласіе въ признаніи правъ больнаго на пенсію; в) когда Губернское Медицинское Управленіе не согласится съ заключеніемъ врачей, выдавшихъ свидѣтельство; г) когда сами больные будутъ жаловаться по начальству на рѣшеніе Губернскихъ Медицинскихъ Управленій, и наконецъ д) когда подлежащее Начальство затруднится принять заключеніе Губернскаго Медицинскаго Управленія, или по сомнѣнію въ правильности свидѣтельства, или по какимъ либо другимъ особеннымъ причинамъ, о чемъ и должно быть подробно сообщено при передачѣ свидѣтельства въ Медицинскій Департаментъ для внесенія его, съ цѣлю разрѣшенія сомнѣній и недоразумѣній, на заключеніе Медицинскаго Совѣта. Ст. 162. Если служащій одержимъ болѣзнію, то въ свидѣтельствѣ его прописываются: 1) поводъ къ освидѣтствованію; 2) объективныя и субъективныя признаки болѣзни, съ точнымъ ея опредѣленіемъ; 3) причины, ея произведшія; 4) время ея приключенія; 5) чѣмъ угрожаютъ настоящіе припадки въ будущемъ, — излечима болѣзнь или нѣтъ; (6) причины, по которымъ болѣзнь эта лишаетъ не только

возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постоянного посторонняго ухода. Ст. 443. Если кто изъ наставниковъ, прослужа въ ученыхъ должностяхъ менѣе двадцати лѣтъ, окажется совершенно неспособнымъ къ дальнѣйшей службѣ, по болѣзни тяжкой и очевидно неизлечимой, относящейся къ 91 ст. и достоверно засвидѣтельствованной Епархіальнымъ училищнымъ и Медицинскимъ начальствами, то такому производится по смерти пенсія, соразмѣрная заслугамъ и лѣтамъ его службы. Ограниченіе, установленное въ дополненіи къ ст. 53 не относится: 1) къ тѣмъ изъ чиновниковъ, пробывшихъ менѣе пяти лѣтъ въ послѣдней должности, кои вообще, въ теченіе ихъ службы, занимали мѣста равныя съ сею должностью, или высшія, если при томъ всей ихъ службы въ сихъ высшихъ или равныхъ съ послѣднимъ мѣстахъ, считая и время, проведенное ими по назначеніи къ послѣдней должности, будетъ не менѣе пяти лѣтъ; 2) къ тѣмъ, кои, до поступленія въ послѣднюю должность, занимали такія мѣста, которымъ вовсе не присвоено пенсіонныхъ разрядовъ; 3) къ лицамъ, оставляющимъ службу по тяжкимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, лишаящимъ ихъ не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постоянного посторонняго ухода (случаи эти объяснены въ изданной отъ Медицинскаго Совѣта для врачей инструкціи), и 4) къ семействамъ лицъ, умершихъ на службѣ. Такимъ чиновникамъ и семействамъ ихъ слѣдуетъ назначать пенсіи по той должности, которую они занимали въ послѣднее время ихъ службы. Ст. 506. Одержимымъ тяжкими, неизлечимыми болѣзнями, лишаящими не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постоянного посторонняго ухода, сроки къ полученію пенсій сокращаются десятью годами. Точно такимъ же образомъ изложить статью 553 Устава о пенсіяхъ и пособіяхъ по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія, статью 622 Уст. о пенс. и пособ. по ИМПЕРАТОРСКИМЪ Александровскому Лицею и Училищу Правовѣдѣнія и статью 694 Уст. о пенс. и пособ. по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ. Ст.

594. Подвергшимся во время воспитанія юношества тяжкимъ и неизлечимымъ болѣзнямъ, лишаящимъ не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постоянного посторонняго ухода, сроки къ полученію пенсіи сокращаются десятью годами. Ст. 640. Одержимымъ тяжкими неизлечимыми болѣзнями, лишаящими не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постоянного посторонняго ухода, сроки къ полученію пенсій сокращаются пятью годами, если прослужили въ Лицеѣ или Училищѣ Правовѣдѣнія не менѣе пяти лѣтъ. Ст. 912. Призрѣніемъ Комитета могутъ пользоваться всѣ оставные гражданскіе чиновники, въ какомъ бы вѣдомствѣ они ни служили, о которыхъ Комитету представлены удостовѣренія (прил. къ сей ст.), что они, служа съ усердіемъ, отъ трудовъ, понесенныхъ въ продолженіи должностей ихъ, подвергались тяжкимъ и неизлечимымъ болѣзнямъ, относящимся къ 90 и 91 ст. и по этой причинѣ не могутъ продолжать службы и не имѣютъ средствъ къ приличному ихъ содержанию. Ст. 975. Но увѣчные и одержимые тяжкими и неизлечимыми болѣзнями, препятствующими имъ снискивать себѣ пропитаніе собственными трудами, пользуются опредѣленными имъ пенсіями по смерти, если по ходатайству Комитета, не будутъ помѣщены въ благотворительныя заведенія. Ст. 978. Увѣчная или тяжкими и неизлечимыми болѣзнями одержимыя сироты, составляющія одно семейство, оставшіяся послѣ чиновниковъ, занимавшихъ некласныя должности, получаютъ всѣ вмѣстѣ, а не порознь, три четверти той пенсіи, которая слѣдовала отцу ихъ (ст. 941) въ тѣхъ только случаяхъ, кои изъяснены въ ст. 966. II) статьи 915, 951 и 976 Устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ (Св. Зак. 1857 г. Т. III) отмѣнить: и III) предоставить Военному Министру сдѣлать надлежащее распоряженіе объ измѣненіи въ установленномъ порядкѣ подлежащихъ статей Свода Военныхъ постановленій, относящихся до настоящаго предмета Пенсіоннаго Устава. На сѣмъ мѣстѣ написано: ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Со-

брані Государственнаго Совѣта касательно измѣненія статей Пенсіоннаго Устава о правѣ на пенсію чиновниковъ, выходящихъ въ отставку по тяжкимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, **ВЫСОЧАЙШЕ** утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписаль: Предстдатель Государственнаго Совѣта Графъ Д. Блудовъ. 6 Января 1864 года. Приказали: о такомъ **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, для свѣдѣнія и надлежащаго руководства, дать знать подвѣдомственнымъ Святѣйшему Синоду мѣстамъ и лицамъ, печатными указами. Августа 23 дня 1864 года.

По указу Его **ИМПЕРАТОРСКАГО** Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенія Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора за № № 7422 и 7725 по возбужденному въ нѣкоторыхъ епархіяхъ вопросу о томъ, могутъ ли Епархіальныя Начальства дѣлать распоряженія о совершеніи торжественныхъ богослуженій, по случаю событій въ Царствующемъ Домѣ, въ слѣдствіе полученныхъ гражданскимъ начальствомъ телеграфическихъ извѣстій о такихъ событіяхъ, не ожидая указныхъ о семъ предписаній Святѣйшаго Синода. Приказали: Святѣйшій Синодъ, по обсужденіи изложеннаго вопроса, принявъ во вниманіе, что сообщаемыя, по распоряженію Правительства, гражданскимъ начальствамъ телеграфическія депеши о событіяхъ въ Царствующемъ Домѣ получаютъ обыкновенно скорѣе и раньше разсылаемыхъ отъ Святѣйшаго Синода, посредствомъ почты, циркулярныхъ указовъ по духовному вѣдомству, и что выжиданіе указовъ Синода въ подобныхъ случаяхъ должно причинять тѣмъ большія затрудненія Епархіальнымъ Начальствамъ, чѣмъ усиленнѣе могутъ быть настоянія со стороны гражданскихъ начальствъ о совершеніи подобающаго по полученному ими извѣстію богослуженія въ церквахъ, — находить необходимымъ, въ видѣ исключительной на эти случаи мѣры и впредь до особаго усмотрѣнія, допустить, примѣнительно Св. Зак. Т. XIV Уст.

пред. прест. по прод. ст. 31, слѣдующее распоряженіе: 1) въ тѣхъ случаяхъ, когда Генераль-Губернаторы или Военные Губернаторы, управляющіе гражданской частью, и Гражданскіе Губернаторы, въ слѣдствіе сообщенныхъ имъ, по распоряженію Правительства, телеграфическихъ извѣстій о событіяхъ въ Царствующемъ Домѣ обратятся къ Епархіальному Начальству съ письменными, въ установленномъ законами порядкѣ, отношеніями о совершеніи торжественнаго богослуженія, соотвѣтственнаго событію, разрѣшить епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ дѣлать, на основаніи такихъ отношеній, зависящія по духовной части распоряженія о совершеніи требуемаго богослуженія, не ожидая указныхъ предписаній Святѣйшаго Синода, но съ тѣмъ, чтобы такія богослуженія совершаемы были только при архіерейскихъ кафедрахъ, или въ домовыхъ архіерейскихъ церквахъ; а для совершенія оныхъ въ прочихъ по епархіи церквахъ ожидать, при каждомъ случаѣ, указовъ Святѣйшаго Синода; 2) при богослуженіяхъ въ этихъ случаяхъ возношеніе Именъ Высочайшихъ Особъ на эктеніяхъ совершать, примѣняясь къ общей формѣ эктеній и событію, по которому будетъ совершаемо богослуженіе, и 3) о тѣхъ затрудненіяхъ, какія могли бы встрѣтиться при осуществленіи настоящей мѣры, доводить немедленно до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода, для дальнѣйшихъ со стороны оного распоряженій; о чемъ, для исполненія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, разослать по всему духовному вѣдомству печатные указы. Сентября 4-го дня 1864 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ

Епархіальнаго Начальства.

Его Преосвященство, Преосвящ. Нектарій, Епископъ Нижегородскій и Арзамасскій мая 10 дня сего года далъ слѣдующее предложеніе Консисторіи: «въ производствѣ Консисторіи находится болѣе двухъ-сотъ съ половиною дѣлъ о ветхостяхъ церковныхъ и о недостаткахъ по благоустройству храмовъ Божіихъ. Медленность въ дѣлопроизводствѣ по дѣламъ сего рода въ прежнее время происходила большею частію отъ того, что прихожане, на обязанности коихъ лежитъ исправленіе ветхостей церковныхъ и удовлетвореніе другимъ потребностямъ въ церковномъ благоустройствѣ, нерѣдко въ одномъ и томъ же приходѣ, принадлежали къ разнымъ вѣдомствамъ: и къ вѣдомству государственныхъ имуществъ и къ вѣдомству удѣльному и помѣщикамъ. Ни тѣхъ, ни другихъ вѣдомствъ крестьяне не рѣшались приступать къ церковнымъ исправленіямъ, безъ общаго всѣхъ вѣдомствъ согласія и участія. Иногда на исправленіе церковныхъ недостатковъ изъявляли свое согласіе крестьяне государственныхъ имуществъ и ихъ начальство; но не соглашались на сіе начальство и крестьяне удѣльные, или на оборотъ, иногда принимали участіе въ поправкахъ церквей, по сношенію съ Палатою государственныхъ имуществъ и Удѣльною Конторою и крестьяне государственные и удѣльные; но отказывались отъ сего участія, подъ разными предлогами, крестьяне помѣщичьи; такимъ образомъ производилась продолжительная, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, переписка Епархіальнаго Начальства съ Начальствомъ государственныхъ имуществъ, Удѣльнымъ и помѣщиками. Положеніемъ о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года, сіе затрудненіе въ настоящее время устранено. Нынѣ медленность въ дѣлахъ сего рода происходитъ иногда отъ того, что благочинные въ донесеніяхъ своихъ Епархіальному Начальству, по сему предмету,

ограничиваются изложеніемъ однихъ только ветхостей и недостатковъ по части церковнаго благоустройства, но не обозначаютъ, принимаемы ли были, и какія принимаемы мѣры къ исправленію ихъ на мѣстѣ; и отъ того донесенія ихъ, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, бывають возвращаемы имъ, съ предписаніемъ побудить, кого слѣдуетъ, немедленно исправить изчисленные ими ветхости или недостатки по церковному благоустройству. Такимъ образомъ бумаги, въ томъ же видѣ, безъ всякаго успѣха для дѣла исправленія церковнаго, снова пересылаются къ благочиннымъ, съ тратою потребнаго на сіе времени и труда.

Для избѣжанія излишней такого рода переписки, на будущее время, я полагаю бы—предписать благочиннымъ и всѣмъ священноцерковнослужителямъ ввѣренной мнѣ епархіи, чтобы, по дѣламъ о ветхостяхъ церковныхъ и недостаткахъ по благоустройству храмовъ Божіихъ, они, еще прежде донесенія о семъ Епархіальному Начальству, входили въ сношеніе съ своими прихожанами, указывали имъ потребность сего исправленія и соглашались бы ихъ принять на себя это богоугодное и неизбежное для нихъ дѣло, не доводя храма Божія до большаго обветшанія и всего относящагося къ благоустройству храма до большаго поврежденія, и если бы прихожане, сверхъ чаянія, стали отказываться отъ сего подъ разными предлогами; то въ такомъ случаѣ мѣстные причты и благочинные обращались бы, за содѣйствіемъ о побужденіи къ тому прихожанъ, къ сельскому начальству, а благочинные сверхъ того, по мѣрѣ надобности, и къ мировымъ посредникамъ, и тогда бы уже просили Епархіальное Начальство о побужденіи прихожанъ къ исправленію церковныхъ недостатковъ, когда бы испытанныя ими, по сему предмету на мѣстѣ, мѣры оказались безуспѣшными. Если же окажется какая либо опасность въ строеніяхъ; то, независимо отъ вышеописаннаго принятія мѣръ къ исправленію недостатковъ на мѣстѣ, о семъ обстоятельстве, для безотлагательнаго учи-

ненія со стороны Епархіальнаго Начальства распоряженій, соотвѣтственныхъ положенію дѣла, причты и благочинные должны доносить миѣ немедленно, особо, во всякое время. Предлагаю Консistorіи учинить о семъ надлежащее распоряженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать и другія законныя средства къ скорѣйшему производству дѣлъ сего рода, если Консistorія найдетъ, съ своей стороны, какій либо для сего полезныя.»

Консistorія, по выслушаніи сего предложенія, постановила и Его Преосвященство, Преосвященный Нектарій, утвердилъ слѣдующее миѣніе ея: «съ прописаніемъ предложенія Его Преосвященства, для объявленія онаго благочиннымъ и причтамъ къ руководству на будущее время и исполненію, въ Духовныя Правленія и къ благочиннымъ, въ вѣдѣніи Консistorіи состоящимъ, послать указы; касательно же указанія другихъ законныхъ средствъ къ скорѣйшему производству дѣлъ сего рода, войти въ особое сужденіе и о послѣдующемъ представить Его Преосвященству». Юня 4 дня 1864 года.

Въ г. Варшавѣ существуетъ комитетъ, основанный русскими дамами съ цѣлю принимать пожертвованія въ пользу православныхъ церквей и русскихъ школъ въ западно-русскомъ краѣ и въ царствѣ польскомъ. Пожертвованія принимаются деньгами, книгами церковными и учебными, церковной утварью, одеждами, свѣчами, бумагою для школъ и т. п. предметами; пожертвованія сіи вписываются въ книгу съ отпечатаніемъ именъ г.г. жертвователей въ газетахъ и годовомъ отчетѣ. По распоряженію Его Преосвященства, Преосвященнаго Нектарія, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, симъ объявляется духовенству Нижегородской епархіи, что желающіе выразить сочувствіе благородной цѣли русскаго, дамскаго комитета какими либо пожертвованіями въ пользу православныхъ церквей и русскихъ школъ въ западно-

русскомъ краѣ, благоволятъ свои посильныя жертвованія посылать по слѣдующему адресу: въ Москву, Ея Высокоблагородію г. Сотрудницѣ Р. Д. В. Комитета Александрѣ Ивановнѣ Плохово, на Пречистенкѣ, въ домѣ Петрова.

ПЗВѢСТІА.

1. О награжденіи орденомъ Св. Станислава 2-й степени.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Капитулу Россійскихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ и Царскихъ Орденовъ въ 5-й день іюня сего года, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени Секретарь Нижегородской, Духовной Консistorіи, Надворный Совѣтникъ Василій Громовъ.

2. О поступленіи въ монастырь.

Исключенный изъ низшаго отдѣленія Нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища, ученикъ Степанъ Кордатовъ опредѣленъ въ число послушниковъ Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря 30 іюня.

Исключенный изъ низшаго отдѣленія Нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища, ученикъ Егоръ Персидскій опредѣленъ въ число послушниковъ Городецкаго Феодоровскаго монастыря 8-го іюля.

Села Каменки, Макарьевского уѣзда, дьячка Василия Стеклова сынъ Николай, опредѣленъ въ число послушниковъ Городецкого Теодоровскаго монастыря 8-го іюля.

Отставной рядовой Александръ Зарайскій опредѣленъ въ число послушниковъ Оранскаго Богородицкаго монастыря 31-го августа.

Священническія дочери дѣвицы Ольга Лебединская и Любовь Нарциссова опредѣлены въ число послушницъ Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго монастыря 2-го сентября.

Е. В. Выходятъ 1 и 15 Цѣна въ редакціи 4 р., а съ числъ cadaго мѣсяца. доставкой 5 р.

Адресоваться: въ редакцію Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей при Нижегородской духовной семинаріи.

Дозволено цензурой. 30 Октября 1864 года. Цензоръ Ректоръ семинаріи Архимандритъ Луиселій.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ

СОДЕРЖАНІЕ: Св. Іоанна Златоустаго противъ злорѣчій. — Исторія христіанства въ предѣлахъ Нижегород. епархіи. — Благодарная память. (Разсказъ.) — Объявленію.

Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго

противъ злорѣчій (*).

Пусть и языкъ постится отъ сквернословія и ругательства. Что за польза, когда мы воздерживаемся отъ птицъ и рыбъ, а братьевъ угрызаемъ и снѣдаемъ? Злословящій снѣдаетъ тѣло братнее, угрызаетъ плоть ближняго. Потому и Павелъ съ угрозою сказалъ: *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блудитесь, да не другъ отъ друга истреблены будете* (Гал. 5, 15). Ты не вонзилъ зубовъ въ плоть (ближняго), но вонзилъ въ душу злую рѣчь, ранилъ ее худою молвою, сдѣлалъ тысячу золъ и себѣ самому, и ему, и многимъ другимъ; потому что, осуждая ближняго, ты сдѣлалъ худшимъ и того, кто тебя слышалъ. Если это грѣшникъ, то дѣлается

(*) Изъ 10 бес. къ Апт. народу.

безпечнымъ, нашедши себѣ сообщника въ грѣхѣ; а если праведникъ, то впадаетъ въ гордость и надмѣвается изъ за чужаго грѣха, получая поводъ высоко думать о себѣ самомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, ты повредилъ всей Церкви, потому что всѣ слышашіе не грѣшника осуждаютъ, но поражаютъ укоризнами весь народъ христіанскій. Не слышно, чтобы невѣрные говорили, что такой-то блудникъ и развратникъ, но, вмѣсто виновнаго, они поносятъ всѣхъ христіанъ. Затѣмъ, ты подалъ поводъ къ уничтоженію славы Божіей, потому что имя Божіе славится, когда мы живемъ хорошо, а когда грѣшимъ, оно хулится и безчестится. Въ четвертыхъ, ты посрамилъ того, о комъ распускаешь худую молву, сдѣлавъ его чрезъ то болѣе безстыднымъ, и нажилъ въ немъ себѣ врага и непріятеля. Въ пятыхъ, ты сдѣлавъ самого себя достойнымъ взысканія и наказанія, взявшись за такія дѣла, которыя нисколько не принадлежатъ тебѣ. Никто не говори: «тогда злословилъ-бы я, когда-бы говорилъ неправду; но, если говорю истину, то уже не злословлю». Хотя бы въ твоёмъ злословіи и была истина, и въ такомъ случаѣ оно преступно. Фарисей, злословя мытаря, говорилъ истину; но это не принесло ему никакой пользы. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, развѣ мытарь не былъ мытарь и грѣшникъ? Всякій видитъ, что — мытарь; но при всемъ томъ, фарисей, за осужденіе его, все потерялъ. Хочешь исправить брата? Поплачь, помолись Богу, дай ему увѣщаніе наединѣ, посоветуй, попроси. Такъ и Павелъ дѣлавъ: *да не когда пришедша мя, говоритъ онъ, смиритъ Богъ мой и васъ, и восплачуся мнози прежде согрѣшившихъ и не покающихся о нечистотѣ, и блужденіи, и студоложествіи, яже содѣлаша* (2 Кор. 12, 21). Покажи любовь къ грѣшнику; увѣрь его, что напоминаешь ему о грѣхѣ, усердствуя и заботясь объ немъ, а не желая обезславить его; обними его ноги, облобызай, не устыдись, если только истинно хочешь исцѣлить его. Это часто дѣлаютъ и врачи: не сговорчивыхъ больныхъ они цѣлуютъ, упрашиваютъ, и такимъ образомъ заставляютъ принять спасительное лекарство. Такъ и ты сдѣ-

лай: покажи рану священнику; это и будетъ значить, что ты безпокоишься, печешься, и заботишься (о ближнемъ). Но убѣждаю тебя заграждать уши не только отъ злословящихъ, но и отъ тѣхъ, которые слушаютъ злословящихъ, и подражать пророку, который говоритъ: *оклеветавшаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ* (Псал. 100, 5). Скажи ближнему: ты намѣренъ похвалить когонибудь и одобрить? Открываю слухъ, чтобы принять это благоволеніе. Если же хочешь злословить, заграждаю входъ твоимъ словамъ, потому что не могу принять помета и нечистоты. Что за польза для меня узнать, что такой-то злой человекъ? Напротивъ, отсюда величайшій вредъ и крайній уронъ. Скажи ему: позаботимся о своемъ собственномъ, — о томъ, какъ намъ дать отчетъ въ своихъ грѣхахъ, и обратимъ на собственную жизнь эту пылливость и это безпокойное вывѣдываніе.

(Продолженіе будетъ.)

О ХРИСТІАНСТВѢ,

какъ оно началось и распространялось въ предѣлахъ нынѣшней Нижегородской епархіи (*).

(Продолженіе.)

Нижній недумано, негадано въ половинѣ 14 столѣтія вдругъ изъ пригорода возвысился на степень столичнаго города великаго княжества Нижегородско-Суздальскаго. Съ тѣхъ поръ началась важнѣйшая эпоха преобразованія

(*) См. №№ 17 и 19.

нашей Низовской земли. Съ тѣхъ поръ Нижній сдѣлался единственнымъ средоточіемъ, откуда время отъ времени все болѣе и болѣе начало развиваться владычество Русскихъ надъ окружающими его племенами. Съ тѣхъ поръ разныя здѣшнія племена стали мало по малу соединяться въ одно политическое тѣло. Съ тѣхъ поръ свѣтлые лучи обрусѣлости и христіанства отселѣ потокомъ полились на ближайшіе, чуждые, языческіе края. Съ тѣхъ поръ начинаютъ сіять и славныя имена великихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ — знаменитыхъ князей Нижегородско-Суздальскихъ. А во главѣ ихъ сталъ великій князь Константинъ Васильевичъ.

Въ высшей степени честолюбивый, но не столько воинственный по духу, сколько грозный по могуществу, Константинъ Васильевичъ началъ свое княженіе отчасти съ тактомъ знаменитыхъ героевъ восточной Руси, Георгія Долгорукаго и Георгія Всеволодовича. Получивъ во владѣніе Нижній въ 1340 г., онъ вскорѣ сдѣлалъ его престольнымъ своимъ городомъ, когда великій князь Московско-Владимірскій Симеонъ Ивановичъ надъ Суздалемъ, какъ пригородомъ Владиміра, сильно сталъ тяготѣть своей самодержавной властью. Съ задачей выбора новаго мѣста для столицы рука объ руку шолъ новый вопросъ о развитіи русскихъ поселеній въ чуждой, иноплеменной сторонѣ. Какъ мудрый властитель, Константинъ Васильевичъ въ рѣшеніи этого вопроса прибѣгъ не къ мечу, а къ водворенію Русскихъ въ иноплеменной области. Мечъ — опора временная, не прочная. Покуда онъ обнаженъ: все трепещетъ, все повинуется. А какъ скоро вложили его въ ножны: тотчасъ страхъ проходить и вмѣсто покорности поднимаютъ свою голову измѣна, возстаніе. Нѣтъ болѣе опоры, нѣтъ силы. Берись опять за свою грозу — мечъ! Вотъ обрусѣлость, водвореніе однокровнаго жителя, развитіе собственной народности, распространеніе своего христіанскаго закона въ чуждомъ, языческомъ краю — это другое дѣло! Тутъ — вѣковѣчная опора, сила несокрушимая. Тутъ — богатые задатки для будущаго. Что за сто-

лица, когда въ окружности нѣтъ ни одного своего города? Что за христіанское средоточіе, когда кругомъ кишитъ одна нехристь? Какая тутъ народность, какая охрана, когда со всѣхъ сторонъ окружаютъ массы чуждыхъ, враждебныхъ племенъ? Георгій Долгорукій въ Финской области упрочилъ владычество русскихъ и положилъ твердое начало восточной руси единственно развитіемъ русскаго народонаселенія. Другой Георгій, основатель Нижняго, строя города, погосты, слободы, монастыри и церкви, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и очевидно въ тѣхъ же видахъ. Вполнѣ сочувствуя этому и сознавая всю прочность такихъ началъ, Константинъ Васильевичъ на новое свое поприще вступилъ въ тѣхъ же видахъ и съ тѣми же планами. Въ Нижегородскій округъ свой онъ переселилъ множество Русскихъ изъ своихъ же западныхъ округовъ — Суздальскаго, Шуйскаго, Юрьевецкаго, Городецкаго и Бережецкаго. Независимо отъ того приглашалъ Русскихъ же изъ Владимірскаго, Переяславскаго, Ростовскаго, Ярославскаго и другихъ краевъ. Конечно, съ охотою принималъ и всѣхъ бѣглецовъ, недовольныхъ своими князьями и посадниками ихъ. Привлекаемые обѣщаніемъ милостей его, Русскіе стекались со всѣхъ сторонъ. Константинъ предоставилъ имъ полную свободу выбирать любыя урочища для поселенія, какія бы то ни были: пустынные-ль мѣста, или занятыя туземцами — Мордвою. Эти-то вольные пришельцы и расселились отъ Нижняго вверхъ по Окѣ, внизъ — по Волгѣ, и на полдень — по Кудьмѣ. А невольнымъ переселенцамъ, безъ сомнѣнія, отведены были мѣста уже дальнѣйшихъ краевъ: за Кудью до Пьяны, а за Сундовикомъ — до Суры. *И повелъ русскимъ людемъ селитися по Окѣ, по Волгѣ и по Кудьмѣ рѣкамъ, и на мордовскихъ жилищахъ, гдѣ кто похощетъ*, говорится въ лѣтописяхъ.

Такимъ образомъ окруживъ новую столицу свою — Нижній множествомъ русскихъ поселеній, Константинъ Васильевичъ утвердилъ власть свою надъ берегами Оки

чуть ли не до самой Муромской области, пограничной чертою которой служила рѣчка Кутра, — надъ берегами Волги — до устья Суры, а надъ берегами самой Суры — до рѣкъ Пьяны и Алатыря. Въ полуденную же сторону владѣнія его простирались за р. Пьяну. Сѣверные берега рѣкъ Алатыря и Теши, струившихся по южной границѣ владѣній, безъ сомнѣнія, принадлежали ему же.

Вотъ до какихъ предѣловъ, съ поселеніемъ Русскихъ, могла распространиться тогда у насъ вѣра христіанская! По крайней мѣрѣ христіанство проникло по Волгѣ до окрестностей Суры, по Окѣ — до предѣловъ Муромскихъ, а въ глубь нагорья — до Пьянской ложбины. Нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ Нижнемъ, какъ новой столицѣ, отъ наличнаго состава придворныхъ лицъ, княжеской дружины, торговыхъ людей своихъ и другихъ, разныхъ мастеровыхъ и тому подобныхъ жителей, народонаселеніе увеличилось до значительной цифры. Стало быть, вмѣстѣ съ этимъ умножилось и общество вѣрующихъ. Стало быть, увеличилось число духовныхъ пастырей и самыхъ храмовъ Божіихъ. Лѣтописи не говорятъ, гдѣ и какія благочестивый князь вновь строилъ церкви, а только упоминаютъ, что онъ въ 1350 г. заложилъ каменный соборный храмъ Боголѣпнаго Преображенія, по всей вѣроятности, несравненно въ большихъ размѣрахъ противъ прежней Георгіевой постройки. Окончивъ эту постройку въ 1352 году, перенесъ сюда изъ Суздаля уважаемую имъ и конечно всѣми подданными его древнюю святыню — Нерукотворенный образъ Спаса Всемилоствиваго. Къ этой святынѣ, уцѣлѣвшей до сихъ поръ, и теперь прибѣгаютъ вѣрующіе съ особеннымъ усердіемъ и благоговѣніемъ.

Съ такой мудрой и христіанской политикою Константинъ Васильевичъ 15 лѣтъ княжилъ у насъ честно и грозно, бороня вотчину свою отъ Татаръ и отъ сильныхъ князей. Скончался онъ въ чернецѣхъ и схимѣ 1355 г.

ноября 21 дня. И первый изъ князей погребенъ былъ въ построенномъ имъ Преображенскомъ соборѣ.

Наслѣдникъ его, Андрей Константиновичъ, отдалъ Суздаль брату Димитрію, а Городецъ — Борису. Переселеніе русскихъ изъ другихъ областей и княжествъ въ наши края конечно продолжалось и при Андрѣ, князѣ благородномъ, кроткомъ и многодобродѣтельномъ. Тѣмъ болѣе это достовѣрно, что лѣтописцы говорятъ даже о князьяхъ, которые переѣхали на жительство въ Новгородъ-Нижній. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Андрей надѣлялъ какъ ихъ самихъ, такъ и бояръ ихъ землями. Таковы были князья Иванъ Стародубскій и Димитрій Галицкій, вытѣсненные изъ своихъ удѣловъ великимъ княземъ Московскимъ. Западный край нынѣшняго Горбатовскаго уѣзда съиздавна слыветъ Стародубовщиною. Вѣроятно, онъ принадлежалъ Стародубскому князю Ивану и потомству его. А если такъ: то христіанство и при этомъ великомъ князѣ Нижегородскомъ все болѣе и болѣе утверждалось и распространялось въ нашей Низовской землѣ.

Распространяя и украшая престольный городъ свой — Нижній, Андрей Константиновичъ построилъ въ немъ нѣсколько домовъ для новыхъ именитыхъ гражданъ, каменный соборъ Архангела Михаила подлѣ княжескаго дворца. Для величія и блеска столицы недоставало только одного — святительской каѳедры. Андрей перевелъ сюда изъ Суздаля и епископа Алексія, вызвавъ его, вѣроятно, для освященія построеннаго собора.

Въ дѣлахъ благочестія соревновала супругу своему и великая княгиня Анастасія. Она основала женскій монастырь въ честь зачатія Пресвятыя Богородицы. Эта св. обитель находилась подъ стѣнами города на берегу Волги.

Распространеніе и благоденствіе Нижегородской церкви въ теченіе десятилѣтняго княженія Андреева подъ конецъ

возмущено было появленіемъ страшной моровой язвы, опустошившей не только Нижній, но и всѣ пригороды его. Кажется, жертвою ея сдѣлался и самъ Андрей Константиновичъ, князь зѣло духовный и многодобродѣтельный. Тѣло его положено въ Преображенскомъ соборѣ возлѣ отца. То было 1365 г. іюня 2-го дня. Великая же княгиня, въ инокиняхъ подъ именемъ Вассы, послѣдніе годы провела въ своемъ Зачатейскомъ монастырѣ, а въ схимѣ—подъ именемъ Θεодоры, доселѣ покоится въ томъ же Преображенскомъ соборѣ.

Свѣдавъ о кончинѣ Андрея, честолюбивый князь Городецкій Борисъ разомъ занялъ Нижній. Въ свою очередь узнавъ о томъ, старшій братъ Дмитрій тоже спѣшилъ отправиться изъ Суздаля въ Нижній, вмѣстѣ съ епископомъ Алексіемъ и матерью Еленою. Онъ надѣялся уладить дѣло домашнимъ образомъ: но не то было задумано Борисомъ; въ городъ впустилъ онъ одного только епископа, а брата съ матерью и видѣть не хотѣлъ. Дмитрій Константиновичъ обратился къ посредничеству великаго князя Московскаго Дмитрія же Ивановича и митрополита Алексія. Тѣ послали отъ себя преподобнаго Сергія, игумена Радонежскаго, уговорить Бориса, чтобы уступилъ Нижегородское княжество старшему брату. Борисъ не послушался и Сергія. Тогда Сергій запретилъ богослуженіе въ Нижнемъ, а митрополитъ отчислилъ весь Нижегородскій край отъ Суздальской епископіи, присоединивъ его къ своей паствѣ. Когда и это не подѣйствовало на Бориса: то прибѣгли къ оружію.

Дмитрій Константиновичъ, соединивши Московскую дружину съ своею, двинулся на Нижній. Борисъ, чувствуя себя далеко не въ силахъ бороться съ такою ратью, принужденъ былъ уступить. Довольный этой хоть и невольной, но безкровной уступкою, Дмитрій оставилъ за Борисомъ Городецъ, да сверхъ того отдалъ ему все За-

вольжье и Посурье, а въ Суздалѣ посадилъ сына своего Василия.

Въ видахъ признательности и политики своей, Дмитрій Константиновичъ въ слѣдующемъ же 1366 году породнился съ великимъ княземъ Московскимъ Дмитріемъ Ивановичемъ: отдалъ за него дочь свою Евдокію, когда старшая Марія была уже тамъ за бояриномъ Н. В. Вельяминовымъ. Эта родственная связь имѣла много вліянія на политическое могущество князя Дмитрія Константиновича, а слѣдовательно на обрусѣлость нашей области и распространеніе самаго христіанства.

Въ 1367 году Ордынскій мурза Булатъ съ Болгарами опустошилъ Сурскій край, но былъ настигнутъ и побитъ русскими на р. Пьянѣ. Черезъ два года послѣдовалъ обвалъ береговой горы надъ Окою за Благовѣщенскимъ монастыремъ и засыпалъ много домовъ, гдѣ жители погибли со всѣмъ скотомъ.

Въ 1370 году Благовѣщенскій монастырь обновленъ былъ построеніемъ каменнаго храма въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы св. митрополитомъ Алексіемъ.

Въ 1372 году князь Городецкій Борисъ Константиновичъ построилъ г. Курмышъ на правомъ берегу р. Суры и этимъ положилъ основаніе для распространенія христіанства въ здѣшнемъ краѣ. Едва ли не въ то же самое время основанъ былъ здѣсь и Спасскій монастырь. Онъ причисленъ былъ къ нашему Благовѣщенскому монастырю: оттого настоятели послѣдняго монастыря назывались и Спасскими.

Въ 1374 году архимандритъ Печерскаго монастыря Діонисій рукоположенъ былъ въ епископа Суздальской и нашей Низовской земли.

Въ слѣдующемъ 1375 году ушкуйники, Новгородская удалая вольница, напали на Нижній и на ряду съ Болгарскими купцами, однихъ ограбили, другихъ побили, а нѣкоторыхъ гражданъ съ женами и дѣтьми захватили въ плѣнъ.

Въ томъ же году Діонисій, проживая въ Нижнемъ, едва не былъ пораженъ стрѣлою, пущенной Татарами, во время истребленія ихъ. Послѣ того отрядъ Татаръ, посланный Мамаемъ наказать Нижегородцевъ за побіеніе посла Сарайки со всею его стражею, разбилъ Русскихъ на Пьянѣ.

На той же рѣкѣ въ слѣдующемъ 1378 году Ордынскій князекъ Арапша въ расплохъ напалъ на русскую рать съ пяти сторонъ и нанесъ сильнѣйшее пораженіе. При этомъ бѣдствіи князь Симеонъ Михайловичъ былъ изрубленъ, а князь Иванъ Дмитріевичъ утонулъ въ Пьянѣ. Большая часть бояръ и воиновъ подверглись той же участи. Это было 2-го августа, а 5-го взяли и самый Нижній. Бусурманы, ограбивши городъ, предали его огню. При чемъ сгорѣли всѣ монастыри и до 30 церквей. Самые жители большей частью спаслись бѣгствомъ по Окѣ въ Муромъ, Волгѣ—въ Городецъ, и конечно въ Заволжскіе темные лѣса. Великій же князь Дмитрій Константиновичъ то же успѣлъ уѣхать въ Суздаль. На обратномъ пути Арапша опустошилъ земли, лежащія по р. Сурѣ. Послѣ этого опустошителя поднялась Мордва и отъ береговъ Пьяны устремилась къ Волгѣ. Но князь Борисъ Константиновичъ напалъ на толпу ея и на берегахъ Пьяны истребилъ почти всѣхъ. Мало того: вторгнулся въ самыя земли ихъ, опустошилъ всѣ селенія, избилъ множество жителей, а нѣкоторыхъ взялъ въ плѣнъ и въ Нижнемъ на льду, вѣроятно нагихъ, травилъ собаками.

Мамаевы Татары снова явились въ нашей сторонѣ и предали опустошенію уцѣлѣвшій отъ раззоренія западный край, извѣстный подъ именемъ Березополья.

Вотъ сколь замѣчательно было, по многообразной судьбѣ своей, княженіе Дмитрія Константиновича, продолжавшееся около 20 лѣтъ! А скончался онъ въ 1384 году іюня 5-го дня въ *чернецъхъ и схимѣ*, — и погребенъ возлѣ отца своего и брата въ Преображенскомъ соборѣ.

Изъ этого краткаго очерка княженія Дмитріева ясно открывается, какова была судьба христіанства при этомъ державцѣ, особливо въ нашей нагорной сторонѣ. Церковь Христова здѣсь, кажется, не столько прибрѣтала, сколько теряла. Слова нѣтъ, что въ такой періодъ времени много построено было св. храмовъ въ столицѣ—Нижнемъ, когда здѣшнее народонаселеніе значительно увеличилось. Слова нѣтъ, что храмы Божіи вновь строились и по селеніямъ. Тѣмъ болѣе нѣтъ сомнѣнія, что завоеванія русскихъ, а съ ними и христіанскія поселенія распространились до дальнихъ предѣловъ, начиная съ запада къ востоку, отъ Муромскихъ границъ до береговъ Суры, а на полдень—до Теши. Памятниками тѣхъ временъ могутъ служить древнѣйшія названія селеній—Финскія: Нершево, Колпенское, Кубаево, Шаргали, Шершево, Мигино и другія,—Русскія: Зеленцово, Гридино, Перевозъ, Ключищи, Кладбищи, Лопатищи, Столбищи, Осинки, Березовка, Дубское, Елховка, Лѣсуново, Просѣкъ, Рубское, Соновское и т. п. Но съ другой стороны частыя опустошенія бусурманскихъ отрядовъ, набѣги Мордвы и самыхъ ушкуйниковъ сколько причинили зла! Сколько одни Татары превратили въ пепель христіанскихъ жилищъ! Сколько предали грабежу и огню храмовъ Божіихъ! Сколько побили русскихъ! Сколько забрали въ плѣнъ! Сколько разбѣжалось жителей! Значить, при великомъ князѣ Нижегородскомъ Дмитріѣ Константиновичѣ христіанство насколько умножалось и расширялось по пространству,—едва ли не настолько же уменьшилось оно по количеству самыхъ христіанъ.

Послѣ Дмитрія Константиновича Нижній, какъ столица Нижегородско-Суздальскаго княжества, сдѣлался жертвою домогательства и борьбы сначала между ближай-

шими наследниками, а потомъ между великими князьями Московскими и Нижегородско-Суздальскими. Дмитрію Константиновичу наследовалъ братъ его, князь Городецкій Борисъ. Но черезъ 4 года отняли у него Нижній племянники, Василій и Симеонъ Константиновичи. А они еще менѣе владѣли: Борисъ опять вступилъ въ Нижній и владѣлъ имъ только 3 года. Послѣ того, именно въ 1392 г., великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ получилъ ханскій ярлыкъ на Нижегородско-Суздальское княжество и занялъ Нижній, а Бориса съ семействомъ заключилъ въ Суздаль, гдѣ онъ и умеръ черезъ два года. Впрочемъ прахъ его покоится въ Михайловскомъ соборѣ с. Городца. Спустя шесть лѣтъ, Симеонъ Константиновичъ, съ помощію казанцевъ, добрался до Нижняго и впущенъ былъ въ городъ съ уговоромъ въ видахъ всякой безопасности гражданъ и собственности ихъ. Но жители обманулись. *«И потомъ Татарове сотвориша леств, роту свою (клятву) измѣниша, и пограбиха всѣхъ крестіанъ, наихъ пушаху. А князь Симеонъ глаголаше: не азъ творихъ леств, но Татарове; азъ въ нихъ не воленъ, а съ нихъ не смогу. И тако взяша градъ октября 25-го дня, — и бѣша ту двѣ недѣли, дондеже слышаху великаго князя (Василія Дмитріевича Московскаго), что на нихъ хочетъ идти ратию, — и побѣгоша къ Ордѣ».* (Т. V. I. Соф. Лѣт. стр. 247) Дѣйствительно, братъ великаго князя Юрій Дмитріевичъ вскорѣ явился съ полками, потомъ вторгся въ Казанскую область, взялъ Казань съ другими городами, много перебилъ Болгаръ и Татаръ, — *«и всю Татарскую землю плѣни, воеваша три мѣсяца, и возвратися со мноюю корыстію въ землю русскую».* Нижній опять сталъ въ полной зависимости отъ Москвы, а управляли имъ великокняжескіе намѣстники. Въ 1408 году наша область на ряду съ прочими много пострадала отъ Татарскихъ отрядовъ во время нашествія хана Эдигея на Москву, когда разсѣявшіеся Татары опустошали города и селенія, грабили всякое имущество, а жителей убивали и забирали въ плѣнъ.

Не дальше, какъ черезъ 4 года, опять съ казанцами же явился новый искатель Нижегородскаго наследства. Онъ даже разбилъ подъ Лысковомъ Московское войско, предводительствуемое братомъ великаго князя, Петромъ Дмитріевичемъ. Овладѣвъ Нижнимъ, послалъ отрядъ на Владиміръ, гдѣ жители, застигнутые въ расплохъ, сильно пострадали отъ варварскаго грабежа казанцевъ, а самый городъ—отъ страшнаго пожара. Впрочемъ этотъ новый владѣлецъ Нижняго не долго наслаждался своимъ торжествомъ: въ то же время онъ, страшась гнѣва и справедливой мести со стороны великаго князя Московскаго, убѣжалъ опять къ Татарамъ. То былъ князь Данииль Борисовичъ.

Послѣ него управляли Нижнимъ, съ полной зависимо-стію отъ великаго князя Московскаго, Иванъ Васильевичъ, внукъ Дмитрія Константиновича, Александръ Ивановичъ, сынъ предшественника, Александръ Даниловичъ, зять великаго князя Московскаго. За тѣмъ князь Данииль Борисовичъ снова явился въ Нижнемъ: но долго ли владѣлъ имъ, какъ и гдѣ кончилъ свою жизнь, неизвѣстно.

Въ 1445 году зимою Нижній взятъ былъ царемъ Казанскимъ Махметомъ. Отселъ по веснѣ посылалъ онъ дѣтей своихъ подъ Суздаль, гдѣ они разбили отрядъ Русскихъ, взяли въ плѣнъ самаго великаго князя Московскаго Василія Васильевича, привели въ Нижній, изъ Нижняго увезли въ Курмышъ: но вскорѣ отпустили, взявши окупъ, который большей частью внесенъ былъ именитымъ Нижегородскимъ гражданиномъ Строгановымъ.

По милости Дмитрія Шемяки, въ слѣдующемъ году возстановлена была самостоятельность вел. княжества Нижегородско-Суздальскаго, съ присоединеніемъ къ нему даже Вятской области. А княземъ признанъ изъ прямыхъ

наслѣдниковъ Феодоръ Юрьевичъ. Впрочемъ эта самостоятельность вскорѣ ограничена была Василиемъ Васильевичемъ, когда онъ, возвратившись на Московскій престолъ, подчинилъ Феодора своей верховной власти, а Вятку взялъ себѣ. По смети Феодора Нижегородско-Суздальскій удѣлъ перешолъ въ наслѣдство къ племянникамъ его, дѣтямъ Василя Юрьевича. А ихъ было трое: старшій Александръ занялъ Нижній, средній Иванъ — Городецъ, а меньшей Василій — Суздаль.

При великомъ князѣ Московскомъ Иванѣ Васильевичѣ III Нижній достался во владѣніе Василю Васильевичу, бывшему князю Суздальскому, извѣстному еще подъ именемъ Гребенки Шуйскаго. Онъ удержалъ это родовое достояніе за собою до самой смерти, а умеръ въ глубокой старости. Онъ вмѣстѣ былъ и послѣднимъ удѣльнымъ княземъ Нижняго-Новгорода.

Вотъ сколь превратна была политическая судьба нашего Нижняго и Городца! А такое положеніе дѣлъ у насъ, начиная съ кончины Дмитрія Константиновича, продолжалось почти цѣлое столѣтіе. Каково же было въ этотъ періодъ времени состояніе церкви? Распространялись ли поселенія Русскихъ? Расширялись ли предѣлы христіанства? Умножалось ли общество вѣрующихъ? Ясное дѣло, что рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ условливается характеромъ дѣятельности владѣльцевъ нашей Низовской земли. Первое мѣсто въ ряду ихъ занимаетъ Борисъ Константиновичъ. А извѣстно, что этотъ князь насколько былъ съ одной стороны честолюбивъ, настолько же мужественъ. Такъ быть не могло, чтобы онъ въ теченіи семи лѣтъ своего управленія не заботился о расширеніи своихъ владѣній. Быть не могло, чтобы не старался развивать русской народности, позволяя селиться и своимъ и пришельцамъ русскимъ въ нагорьи и въ зарѣчьи, кто гдѣ бы ни вздумалъ. А когда такъ, то понятное дѣло,

что въ годину его владычества насколько мечъ расширялъ предѣлы поземельныхъ владѣній, столько же далеко безъ сомнѣнія проникъ и свѣтъ самага христіанства. Еще въ бытность свою княземъ Городецкимъ онъ простеръ власть свою далеко за черту прежнихъ владѣній, когда за рѣкою Сурою построилъ г. Курмышъ. Тѣмъ удобнѣе и усибнѣе могъ онъ развивать обрусѣлость, а съ нею и христіанское просвѣщеніе теперь, когда сдѣлался полно-властнымъ обладателемъ Низовской земли. Ему-то собственно надо приписать славу распространенія здѣшнихъ владѣній на востокъ и югъ до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, до какихъ только простиралось великое княжество Нижегородско-Суздальское. Онъ-то собственно покорилъ Мордовскія земли, лежащія по Сурѣ далеко за устье р. Алатыря, — а по сбѣимъ сторонамъ Алатыря — до верховьевъ его, — и все Затешье до предѣловъ Муромскихъ. Изъ всѣхъ владѣльцевъ нашихъ этого періода онъ-то единственно былъ настолько независимъ и могущественъ, что ни кого не боялся — ни Болгарскихъ Татаръ, ни Монгольской Орды, а для великихъ князей Московскихъ самъ былъ страшень до опасенія...

Не только подобнаго Борису, но и мало мальски похожаго дѣятеля на политическомъ, а тѣмъ болѣе церковномъ поприщѣ въ исторіи нашей области болѣе уже не видится. Есть поводъ думать, что послѣдніе владѣльцы — Александръ, Иванъ и Василій — могли оказать нѣкоторую услугу церкви утверженіемъ и распространеніемъ вѣры Христовой. Состоя подъ верховной зависимостью великихъ князей Московскихъ, они спокойно управляли своими землями до самой смерти. Не развлекаемые мыслями, заботами и жертвами объ соперничествѣ, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ предшественниковъ, они свободно могли посвящать свою дѣятельность пользамъ своихъ подданныхъ и самой церкви. Тѣмъ болѣе имѣлъ возможности и средствъ столь благотворно дѣйствовать ко благу своего края во всѣхъ отношеніяхъ, особливо Василій Ва-

сильевичъ, Гребенка - Шуйскій въ продолженіе своего управленія: а онъ владѣль Нижнимъ чуть ли не цѣлое полстолѣтіе. Остальные же князья наши, какіе только появлялись въ промежутокъ времени, начиная съ Бориса Константиновича до Василія Гребенки-Шуйскаго и притомъ на короткое время, болѣе или менѣе заботились только о собственныхъ выгодахъ. Вся ихъ дѣятельность поглощена была домогательствомъ, происками и жертвами, какъ бы только пріобрѣсть и удержать за собою великое княжество Нижегородско-Суздальское. То вступали они въ споръ между собою, то боролись съ великими князьями Московскими. При такой междоусобицѣ, не до завоеваній, не до своей братіи—русскихъ, не до христіанства: тутъ не когда было и подумать о томъ. Одна только и думана была дума, какъ бы сдѣлаться державцемъ Низовской и Суздальской областей. Такъ ясное дѣло, что такіе владѣтели едва ли имѣли время дѣйствовать въ видахъ своихъ мудрыхъ предшественниковъ,—едва ли заботились объ расширеніи предѣловъ Нижегородской области, а тѣмъ болѣе объ утверженіи и распространеніи евангельскаго ученія. Таковы были въ особенности Димитрій, Василій и Симеонъ Димитріевичи, Борисъ Даниловичъ, Иванъ Даниловичъ, Иванъ Васильевичъ и Федоръ Юрьевичъ. Они все время своей жизни провели то въ искательствѣ своего наслѣдства, то въ борьбѣ съ вел. кн. Московскими, то въ крамолахъ и опустошеніяхъ своихъ земель.

Тѣмъ не менѣе надо полагать, что простолюдины русскіе сами усердно работали въ пользу обрусѣлости и христіанства. Оставалось въ силѣ прежнее право—селиться на Мордовскихъ и другихъ земляхъ, гдѣ кто пожелаетъ. Пользуясь этимъ правомъ, русскіе годъ отъ году все болѣе и далѣе вторгались въ нагорья внутрь Мордовскихъ земель, а въ зарѣчьи—въ Черемисскія угодья: а этимъ, издавна уже заведеннымъ порядкомъ, они сами по себѣ все шире и далѣе распространяли христіанскія поселенія.

На этомъ поприщѣ болѣе всего дѣйствовали пришельцы, русскіе выходцы изъ другихъ княжествъ. Низовская наша земля издавна славилась богатствомъ естественныхъ своихъ произведеній и чрезвычайнымъ удобствомъ сбыта ихъ. Этими рѣдкими выгодами она издавна же привлекала къ себѣ не только русскихъ, но даже Болгарь и Татарь. Но помимо великихъ выгодъ отъ плодородной почвы, тучныхъ пастбищъ, рыбной ловли, бобровыхъ гоновъ, обширныхъ бортныхъ ухажьевъ, манили и влекли сюда русскихъ и другихъ еще особая, самая лестная преимуществва, какія давали здѣшніе князья все́мъ пришельцамъ.

Дозволялось русскимъ и вообще христіанамъ селиться на Мордовскихъ и другихъ займищахъ, гдѣ кто захочетъ. Не много тутъ словъ, а вѣдь много смысла. Это значило: спокойно жить здѣсь могъ одинъ только русскій; безопасно владѣть землею и другой собственностію могъ одинъ только христіанинъ. Это значило, всякой другой житель, всякой другой владѣлецъ лишенъ былъ всѣхъ правъ; онъ въ глазахъ русскаго и всякаго христіанина считался не больше, какъ такой поганецъ, съ которымъ дѣло имѣть—только Бога гнѣвить. Это значило, всякой Русскій, всякой христіанинъ имѣлъ полное право сдѣлать всякое насиліе некрещеному: у Мордвина, Черемисина, всякой нехристи воленъ былъ отнять любую собственность—и земли, и воды, и лѣса, и бортныя ухажья, и рѣпища. Мало того: воленъ былъ отнять имущество, отнять скотъ, и самый домъ. Мало и этого: воленъ былъ некрещенаго самага и со все́мъ семействомъ забрать себѣ въ рабство, а въ случаѣ сопротивленія—отнять даже самую жизнь. Въ виду этихъ-то необычайныхъ правъ и выгодъ русскіе толпами стекались въ наши края изъ другихъ западныхъ областей, съ одной стороны слишкомъ скудныхъ почвою и произведеніями природы, а съ другой—подверженныхъ частымъ набѣгамъ и опустошеніямъ дикой, кочевой и жадной татарщины, или тѣснимыхъ католическими владѣтелями Литвы. Такъ вѣроятно зиму и лѣто потоками

наплывали къ намъ выходцы изъ Устюжской, Суздальской, Муромской, Рязанской, Смоленской и другихъ областей. Въ нашемъ нагорьи и даже зарѣчьи мы встрѣчаемъ довольно древнихъ сель и деревень такихъ, которыя носятъ одинаковыя названія съ селеніями Владимірской и Рязанской губерній. Есть основаніе думать, что такія селенія началомъ своимъ обязаны именно выходцамъ изъ тѣхъ древнихъ областей. Независимо отъ того скажемъ, что въ зарѣчной, а особливо нагорной сторонѣ, у насъ— много празднествъ съ особыми обрядами: есть празднества въ честь Владимірской Б. Матери съ крестными ходами къ какой нибудь часовнѣ или св. ключу: эти празднества хоть частью, вѣроятно, занесены Владимірскими выходцами. Есть празднества въ честь Смоленской Б. Матери: а они, надо быть, учреждены больше пришельцами изъ области Смоленской. Есть празднества въ честь Знаменія Пресв. Богородицы: а они, конечно не всѣ же, введены переселенцами изъ Новгородской области. За всѣмъ тѣмъ въ нашемъ нагорьи слишкомъ распространено празднество въ память св. мученицы Параскевы. Таковы— всѣ девятая и десятая пятницы, совершаемая по большей части съ крестными ходами къ св. ключамъ. Есть основаніе думать, что начало таковыхъ празднествъ пошло со времени переселенія въ наши края Рязанскихъ выходцевъ. Въ Рязанской области съ особеннымъ усердіемъ почитается чудотворный образъ св. мученицы Параскевы. А прославился онъ многими чудесами, явивши много исцѣленій, еще въ XII столѣтіи.

А съ другой стороны надобно сказать и то, что эта столь крайняя и стѣснительная до жестокости для инородцевъ и всѣхъ идолопоклонниковъ мѣра предпринята была нашими князьями и конечно поддерживалась всѣми княжескими намѣстниками едва ли не въ видахъ болѣе распространенія христіанства, чѣмъ занятія земель одними русскими. Не сокрушимый оплотъ, твердая опора всему— христіанство, а не та, или другая народность. Такъ быть

не могло, чтобы дарованіе столь обширныхъ преимуществъ христіанамъ не имѣло благотворнаго вліянія на самыхъ идолопоклонниковъ— Мордву, Черемись и другихъ инородцевъ. Быть не могло, чтобы они не обращали вниманія на эти права и оставались совершенно равнодушными къ величайшимъ выгодамъ ихъ. Выборъ предстоялъ между двумя крайностями: или оставить родной кровь, удалившись въ чужіе края, или стать подъ кровь христіанскаго закона. Само собою разумѣется, что кто дорожилъ родной колыбелью, роднымъ достоинствомъ, своими связями съ другими, тотъ уже волею, или неволею долженъ былъ склоняться къ христіанству и подъ крѣпкимъ кровомъ его искать и личной безопасности и защиты для своей собственности. А такимъ образомъ, надо полагать, къ св. вѣрѣ Христовой обращались Мордва и другіе не только семействами, но цѣлыми деревнями и околотками.

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.)

«Какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить».

(Матѣ. 7, 2).

I.

Въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ, въ порядочной глуши лежало сельцо В., небольшое и бѣдное сельцо. Церковь въ немъ была хотя и каменная, но крайне ветхая: крыша, когда-то крытая тесомъ, почти вся заросла травой и разными растѣніями, штукатурка на стѣнахъ отпала;

ограда вокругъ церкви вся сгнила, и только двѣ—три березки, посаженныя кѣмъ-то въ оградѣ, своей зеленью и свѣжестью листьевъ рѣзко выдавались среди этой старины и ветхости. Всѣ избенки этаго селенья какъ будто доживали свой вѣкъ: срубы сѣрыя, крыши почернѣлыя, изгороди обломанныя; и все покривилось на бокъ, всюду торчитъ какая нибудь подпорка. Словомъ, какъ есть бѣдность. А пройдетъ по улицѣ человекъ, выбѣгутъ ребятишки—лица у всѣхъ темныя, одежка худая, скучно и глядѣть: на людяхъ бѣдность еще виднѣе, чѣмъ на жильѣ и на вещахъ бездушныхъ.

Селенье это называлось Вѣсью и было въ управленіи опеки. Опека, надо полагать, только извлекала пользу изъ «опеканья» и нагрѣвала себѣ руки, за-то сами Вѣскинскіе мужички постоянно были холодны и голодны. Издавна тянулась такая жизнь надъ забытой вѣсью. В—скіе жители не запомнили лучшаго времени и не видѣли вокругъ себя лучшаго примѣра. Помѣщикъ, которому, въ былыя времена, это село принадлежало, никогда не заглядывалъ въ свое имѣніе. Жилъ здѣсь управитель какой-то, но Боже, какой худой человекъ: лучше объ немъ и не вспоминать. Священникъ былъ здѣсь старичекъ изъ неученыхъ вовсе, значить самыхъ давнихъ временъ, да притомъ такой дряхлый и слабый, что ему было только самому—до себя. Свыклись съ бѣдой своей мужички—бѣдняки, и даже позабыли, можетъ ли человеку быть лучшая этой доля на свѣтѣ и естли люди, непохожіе на нихъ, которые бы жили не такъ, какъ они. Но постороннему человеку очень и очень бросалась въ глаза нищенская, жалкая доля В—скихъ обитателей. Кромѣ того, что въ означенномъ селеніи всѣ хозяева были бѣднякъ на бѣднякъ, еще къ большому сожалѣнію всѣ они были люди самые темныя, невѣдавшіе ничего болѣе, какъ только—кое-какъ вспахать землю, снять и убрать хлѣбъ. Относительно, наприм., вѣры христіанской и дѣятельности они едва ли что понимали, хотя иногда и ходили въ цер-

ковь и по привычкѣ исполняли нѣкоторые обряды, наприм., соблюдали четыре въ году поста, постились по средамъ и пятницамъ и пр.; но почему это дѣлали—незнали. Что кому привелось когда нибудь слышать о предметахъ вѣры и жизни отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, съ тѣмъ они и оставались на всю жизнь, еще и изъ этаго многое, время отъ времени, позабывали, такъ что дѣтямъ уже и вовсе нечего было передавать:—бѣднякамъ (такимъ образомъ) плохое доставалось наслѣдство. О школѣ или грамотности въ Вѣси, разумѣется, и помину не было. Гдѣ имъ было дойти до такой новости! Темнота непроходимая и бѣдность лютая—вотъ все, что имѣли съ собою земляки Вѣс—кіе. Съ этимъ-то добромъ и жили—только свѣтъ смѣшили наши забытые и кручинные односельцы. Впрочемъ, такъ какъ вовсе безъ занятія и развлеченія жить нельзя, то и у Вѣскинцевъ было своего рода занятіе и утѣшеніе—это провести время въ кабакѣ. Съ ранняго утра, едва умывши лицо, или вовсе не умывши, бывало выползаютъ мужички и плетутся куда—думаете?—въ поле, на работу?—къ кабаку... и, такъ какъ малые—всѣ голь, денегъ не имѣли, то пропивали или послѣднюю одежку, или пили въ долгъ, въ счетъ будущихъ умолотовъ ржи, овса и проч. Кому случалось заглядывать въ комору цѣловальника, тотъ не дивился, почему вовсе плохи, бѣдны и непорядны В—скіе мужики. А В—скія женщины тѣмъ временемъ, какъ мужа ихъ находились въ кабакѣ и пропивали иной разъ женины платки и шубейки, тоже не ударяли себя лицомъ въ грязь: онѣ, вмѣсто работъ по хозяйству, заводили между собой такія исторіи споровъ, криковъ и дракъ, что въ иной избѣ или иномъ переулкѣ становилось не лучше кабака. Бѣдныя и неразумныя женщины, не имѣя никакого утѣшенія въ жизни, постоянно огорчаемыя вѣчной нуждой и оскорбленіями мужей, накидывались съ горя на все, и въ дѣло—и не въ дѣло. Недовольное сердце ихъ закипало гнѣвомъ на всякую малость. Оттого у нихъ и были постоянныя ссоры, дразги, ругань и драка какъ между родными, такъ и чужими.

II.

Разъ, весной, когда уже у всѣхъ хозяевъ В—скихъ послѣдній хлѣбъ былъ съѣденъ и отошталъ скотъ чуть не съ землей рвалъ и глоталъ выпрыснутую траву,—нежданно—негаданно пожаловалъ въ деревню гость: новый священникъ, назначенный на мѣсто стараго—умершаго. Священникъ пріѣхалъ какъ разъ подъ праздникъ Вознесенія Христова. Онъ былъ человѣкъ еще молодой, жена его—тоже молодая и пригожая женщина. Пріѣхавшіе на время, за неимѣніемъ другаго мѣста, остановились въ домѣ церковнаго старосты. Не прошло и получаса, какъ квартиру пріѣхавшихъ окружила толпа любопытныхъ: мужчины и женщины во весь вечеръ по очереди смотрѣли въ окна на новаго священника и его супругу, дѣлая, сообразно своимъ вкусамъ и взглядамъ, замѣчанія то о священникѣ, то о его молодой, очень красивой и нарядной, супругѣ. На утро, съ первымъ ударомъ колокола, всѣ мужчины В—скіе собрались въ церковь, чтобы, значить, видѣть, какъ будетъ служить новый батюшка; женщины же, которымъ за стряпней не свободно было сходить въ церковь, кажется, уже и глаза-то совсѣмъ затрудили, ежеминутно смотря вдоль тропинки, идущей отъ церкви, и поджидая возвращенія своихъ семейныхъ, чтобы скорѣе разспросить ихъ о новомъ священникѣ.

— Ну что, ну какъ? да говори скорѣй,—аль языкъ присохъ... Каково новый батюшка служить? спрашивали жены своихъ хозяевъ.

Хозяевы объяснили своимъ женамъ почти одно и то же: «а Богъ его вѣсть! Служить ничего—порядкомъ, только прытокъ очень, неуживчивъ видно,—на первый же разъ міру цопрекъ сдѣлалъ, и чѣмъ ужъ не корилъ мужиковъ: что мы-де и вѣруемъ не такъ, и дѣлаемъ все не по Божьему, не рачимъ о работѣ, а вишь пьянствуемъ только»...

— Нешто, неправду говорилъ батюшка,—и впрямь много пьете, отвѣчали хозяйки.

— Ну, и вы туда же загалдѣли,—не ваше-ста дѣло, возопили мужики въ отвѣтъ своимъ женамъ.

На этомъ объясненіи, по большей части, и поканчивался разговоръ. Но въ душѣ мужики остались очень недовольны поученіемъ священника, сказаннымъ имъ въ церкви по случаю вступленія своего на паству. Но еще большее недовольство выразили женщины, какъ скоро узнали, что и ихъ коснулся священникъ въ своей рѣчи, указавъ на ссоры и распри, заводимыя ими и въ домахъ, и на улицѣ,—на худое обращеніе ихъ съ дѣтьми своими, состоявшее лишь въ кормленіи дѣтей и тѣлесныхъ побояхъ, расточаемыхъ имъ ежеминутно и щедрою рукою. «Вотъ уставчикъ еще нашелся какой! съ неудовольствіемъ говорили женщины. Постарше его былъ отецъ Павелъ, да ничего не говорилъ, а этотъ словно умнѣе всѣхъ—учить насъ вздумалъ! Нешто подъ власть ему даны мы?» разсуждали неразумныя женщины, не понимая даже въ главныхъ чертахъ назначенія и обязанностей священника...

Такъ, по случаю поученія довольно мѣткаго и обличительнаго, не понравился новый пастырь своимъ прихожанамъ.

Читатель можетъ подумать: къ какой стати священникъ свою первую рѣчь предъ крестьянами началъ изображеніемъ ихъ недостатковъ, и какъ онъ могъ знать эти недостатки, еще не узнавши самихъ прихожанъ? Въ отвѣтъ на это скажемъ: священникъ зналъ обличаемые имъ недостатки, потому что бывалъ въ этомъ селѣ нѣсколько разъ, посѣщая своего дѣда, на мѣсто котораго онъ опредѣленъ священникомъ; а что началъ свою первую проповѣдь именно съ указанія этихъ недостатковъ, этого мы не беремся объяснить; а впрочемъ полагать должно, что такова была фантазія священника, а можетъ онъ имѣлъ и свои уважительныя причины на это, думая, что утверждать истинныя понятія о вещахъ нужно тогда, когда

будутъ предварительно раскрыты и указаны ложные взгляды и понятія, которые должно оставить въ виду новыхъ истинъ и пр.

Но не столько поученіе, сколько послѣдующія за тѣмъ дѣйствія священника показались странными и непонятными для прихожанъ и вызвали со стороны ихъ очень не лестное для него мнѣніе. «Вотъ ужъ спѣсивъ у насъ батька, очень не хорошъ, — говорили между собой крестьяне. Глянь-ка и присѣсть ни у кого не хочетъ, хлѣбъ — соль раздѣлить съ нами чуждается, — вездѣ говорить: не пью — да не пью, да еще и намъ запрещаетъ. Чтой-то ужъ больно чванится. Гдѣ это видано, чтобъ батька не выпилъ у мужика и у себя не угостилъ его!» Другіе выражали болѣе серьезное неудовольствіе и жалобы: «пусть не пьеть, говорили они, намъ же лучше, а вотъ почему у меня свадьбы не вѣнчаютъ? Вишь говорить, что невѣста не согласна — такъ и не повѣнчаю, да, прости Богъ, ошалѣлъ чтоли онъ, что бабы слушаетъ!» — «Обѣдню долго служить, — денегъ не беретъ, а притѣсняетъ», — замѣчали другіе. И не было конца разнымъ упрекамъ и неудовольствіямъ на священника. И всѣмъ этимъ упрекамъ былъ поданъ поводъ со стороны его. Дѣйствительно, онъ не соглашался вѣнчать одной, случившейся вскорѣ по его пріѣздѣ, свадьбы, узнавши, что невѣста скорѣе готова погибнуть, повѣситься, чѣмъ выдти за нелюбимаго человѣка, за котораго ее сватала женихова родня и соглашались отдать ея родители. И какъ тѣ и другіе не настаивали, что не сулили, какихъ денегъ не обѣщали священнику, онъ не хотѣлъ поступить противъ принятаго имъ рѣшенія, основываясь на требованіяхъ своей совѣсти и сознаніи свящ. обязанностей. Обѣдни онъ служилъ долго, потому что исполнялъ ихъ по уставу, хотѣлъ, чтобы и читано, и пѣто, и произносимо было все съ надлежащею полнотою и ясностію. Притѣсненіями же со стороны его называли лишь требованіе отъ прихожанъ надлежащаго выполненія евангельскаго закона, церков-

ныхъ заповѣдей и обрядовъ!... Теперь понятно, на сколько справедливы были неудовольствія на священника. Тѣмъ не менѣе они были, и отъ нихъ значительно страдали интересы священника и причта... Крестьяне такъ не взлюбили новаго батьку, что даже въ малости не хотѣли ему помогать. Причтъ церковный, т. е. діаконъ и дьячки тоже были весьма недовольны имъ, во первыхъ уже потому, что священникъ, самъ не угощаясь у прихожанъ, тѣмъ отнималъ и у причта возможность угощаться, а главное неудовольствіе ихъ было за то, что прихожане по сердцамъ на священника уменьшили свое усердіе и къ цѣлому причту, а батька, видя сокращеніе доходовъ, не принималъ по этому дѣлу никакихъ побудительныхъ мѣръ, т. е. не настаивалъ въ требованіяхъ, не выпрашивалъ. Вслѣдствіе всего этого, молодой и ревностный пастырь очутился въ положеніи весьма непріятномъ и тяжеломъ. Не говоря уже о томъ, что горько человѣку сознавать, какъ превратно понимаются и цѣнятся самыя искреннія и благородныя побужденія, какъ безжалостно разбиваются о дѣйствительность самыя задушевные его планы и мечты, священникъ за всѣмъ тѣмъ началъ испытывать во всемъ недостатокъ, постигъ тяжесть матеріальной нужды, такъ какъ ему никто изъ прихожанъ не хотѣлъ ни въ чемъ помогать, даже болѣе: крестьяне на міру сдѣлали общій приговоръ, чтобы, во первыхъ, отнять у священника часть земли, которой издавна пользовались всѣ предшественники его сверхъ извѣстнаго церковнаго надѣла, во вторыхъ, — уменьшить плату за требоисправленіе и не ходить къ священнику на помочь, по случаю наступавшей уборки хлѣба, и т. п.

Къ чести молодаго пастыря должно сказать, что всѣ упомянутыя обстоятельства, такъ невыгодно сложившіяся для него, не сломили его энергіи, не заставили его отказать отъ своихъ мыслей, убѣжденій и плановъ. Грустно призадумывался священникъ надъ выпавшей ему не легкой долей, но далъ себѣ честное слово твердо и неуклонно идти

по избранному и начертанному имъ пути; и лишь больше еще усилилъ въ себѣ стараніе дѣлать все по совѣсти и по требованію долга. «Положимъ, съ перваго разу, меня не совсѣмъ поняли крестьяне, думалъ священникъ,—это не большая бѣда; пройдетъ побольше времени — такъ приглядятся ко мнѣ, привыкнутъ, и если Богъ не отниметъ у меня усердія, то, можетъ быть, поймутъ мои благонамѣренныя дѣйствія и мы полюбимъ другъ друга. Не можетъ же быть, чтобы отъ этого смѣтливаго и добраго по природѣ народа нельзя было добиться чего нибудь справедливаго! Усилимъ терпѣніе и трудъ, сказалъ онъ самъ себѣ, и сказалъ, какъ чувствовалъ, какъ хотѣлъ дѣлать и какъ впослѣдствіи оправдалъ сказанное на опытѣ.

Усиленіе труда своего онъ началъ съ того, что въ одинъ праздничный день обошелъ всѣ избы мужичковъ своихъ, поглядѣлъ на ихъ убогое хозяйство, поговорилъ со всѣми ими, распросилъ даже всѣхъ хозяекъ, пробовалъ поговорить и съ дѣтьми; но мужики и женщины какъ-то недовѣрчиво и неохотно отвѣчали ему, а дѣти вездѣ подымали такой отчаянный ревъ, что добрый священникъ по неволѣ долженъ былъ на этотъ разъ отступаться отъ всего. Однако священникъ не унывалъ, и во что бы то ни стало, хотѣлъ какимъ либо, только, разумѣется, достойнымъ образомъ сблизиться съ прихожанами, чтобы имѣть на нихъ благотворное вліяніе. Сблизиться, сойтись съ прихожанами и оправдать себя — теперь эта мысль не оставляла его ни на минуту.

III.

Разъ, воспользовавшись мірской сходкой, на которую онъ былъ позванъ по дѣлу о церковной землѣ, и сказавши по этому поводу что нужно, онъ между прочимъ

счелъ умѣстнымъ закинуть слово и о недоразумѣніяхъ, въ которыхъ относительно его находились прихожане. «Жалѣю я очень, друзья мои, говорилъ молодой пастырь, что вы не расположены ко мнѣ, питаете недовѣріе и думаете, что я иду противъ вашей пользы... Можетъ быть, по неопытности своей, я и далъ нѣкоторый поводъ къ такимъ мыслямъ, — не спорю, всякій человекъ можетъ сдѣлать ошибку: на всякій часъ не спасешся, говоритъ пословица. Вообще же — мои дѣйствія и желанія таковы, какими велитъ имъ быть мой священническій долгъ, моя святая обязанность и искреннее желаніе вашего счастья и спасенія. И чѣмъ больше присматриваюсь я къ вашей жизни, тѣмъ болѣе увѣряюсь, что я дѣйствую не иначе, какъ по совѣсти и по требованію моего пастырскаго долга. Если я говорилъ вамъ противъ неумѣреннаго пристрастія къ вину, то скажите передъ Богомъ, не справедливо ли я говорилъ?.. Собственными глазами я оглядѣлъ все имѣніе ваше, и признаюсь, такого убожества, такой нищеты, какъ у васъ, нигдѣ еще не видывалъ. А отчего это вы дошли до такой бѣдности?

— На то воля Божія, отвѣчали мужики со вздохомъ.

— Нѣтъ, не воля Божія довела васъ до бѣдности, а собственной своей волей дошли вы до нищеты. Скажите-ка по совѣсти: правы ли вы? Не лѣнились ли вы, — не расточали ли имущество свое и хлѣбъ семейства на позорное пьянство? Припомните, каково до сей поры вы жили и живете? Исполняете ли вы заповѣданный Богомъ человеку трудъ до пота лица? и проч. и проч.

Священникъ говорилъ горячо, даже глаза у него за-свѣтились, а бѣдняки — мужики только вздыхали и глядѣли на него, совсѣмъ недоумѣвая: — правду ли все это говорилъ онъ, или такъ только себя тѣшилъ: въ исконной бѣдѣ своей извѣрились они во всякое чужое слово.

Но священникъ говорилъ то, что думалъ и чувствовалъ, а честныя и правдивыя слова сильны. Проняли эти слова затвердѣлое недовѣріе мужиковъ и поглядѣли они на священника иными глазами.

— Можетъ статья, батька и добрый человекъ и справедливо говорить; можетъ и взаправду предъ Богомъ и людьми мы повинны? подумали мужики по уходѣ священника, — и выдавилась изъ подъ сердца почти у каждого изъ нихъ трепетная слеза, которой участи предсказать никто не могъ въ это время: осушить ли ее нежданная, не привычная радость, или по прежнему прикипитъ она къ черствому лицу обывкаго съ горемъ бѣдняка.

Сходка кончилась. Мужики поглядѣли другъ на друга и ничего не сказали, словно какъ и словъ у нихъ не было. Только ужъ расходясь двое изъ нихъ перекинулись немногими словами.

— Что скажешь, дядя, говорилъ одинъ другому: какимъ манеромъ училъ батька?

— Ничего, толкомъ баялъ, задумчиво отвѣчалъ другой.

Самъ священникъ не могъ не замѣтить благотворнаго вліянія своей бесѣды на прихожанъ и, стараясь воспользоваться имъ, поспѣшилъ немедля привести въ исполненіе одну изъ постоянныхъ своихъ мыслей, именно — мысль объ открытіи въ своемъ приходѣ школы для крестьянскихъ дѣтей. Съ этой мыслию онъ, на другой же или третій день, вновь обошелъ по домамъ, гдѣ есть мальчики-подроски, и вездѣ убѣждалъ родителей, чтобы они дѣтей своихъ отдавали ему для науки, не требуя съ нихъ за то никакой платы. Отцы, по новости дѣла, не соглашались на предложеніе священника, отговариваясь обычными въ этомъ случаѣ словами: «когда дѣтямъ учиться — время нѣтъ, да и на что имъ наука?» Матери и баушки даже начали голосить, прослышавъ, что дѣтей просятъ

отдавать въ школу, считая школу наравнѣ съ рекрутчиной; сами дѣти кричали и прятались отъ священника, когда онъ хотѣлъ было съ ними заговорить о школѣ. Первая попытка рѣдко бываетъ удачна. Но во второй разъ разговорившись о школѣ, священникъ встрѣтилъ меньше отговорокъ, хотя и тутъ нашлись такіе, которые, не смотря на то, что имъ наглядно и убѣдительно была раскрыта вся польза грамотности, оставались непреклонны. Но священникъ радъ былъ уже и тому, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые родители согласились отдать своихъ дѣтей для науки. Онъ былъ вполне счастливъ мыслью, что желаніе его можетъ осуществиться и немедля поѣхалъ въ городъ, чтобы закупить всѣ нужныя принадлежности для зарождающейся, давно чаянной и желанной имъ, школы. По отъѣздѣ священника въ городъ, его супруга, частію по примѣру свѣего мужа, а болѣе какъ необыкновенно добрая и сострадательная женщина, движимая искреннимъ желаніемъ узнать, какъ живутъ ихъ прихожане, тоже обошла всѣ дворы. Увидѣла она нищету людей и темныя, душныя ихъ избы; въ грязныхъ колыбеляхъ увидѣла она обернутыхъ лохмотьями младенцевъ — и ужаснулась. Блѣдная, молча оглядывала все, прошла всѣ избы, въ послѣдней избѣ позвала хозяйку идти за собой въ свой домъ и оттуда прислала съ ней рубашонокъ, пеленокъ и тряпокъ, чтобы послѣдняя подѣлилась ими съ наибѣднѣйшими.

— Должно быть матушка-то добрая, заговорили послѣ того нѣкоторыя женщины на деревнѣ.

— Должно быть не злая, подтверждали другія.

И на другой, и на третій день приходила матушка въ тѣ избы, гдѣ младенцы, по словамъ матерей ихъ, не могутъ: у котораго *краснуха*, у котораго *молочница*, у другаго *огникъ* прикинулся, или «младенчествомъ» замучился, а на одного просто крикунъ напалъ. Матушка давала имъ кое-какія лекарства и велѣла всѣхъ вымыть. Всѣ деревенскія дѣти привыкли къ ней, и даже стали

выбѣгать къ ней на встрѣчу, упреждая другъ друга, потому что матушка всегда имѣла въ карманѣ кое-какіе не дорогіе гостинцы; иному дарила кусочикъ сахарку, кому изюмцу горсточку или нѣсколько ягодокъ, дѣвочкамъ — ленточку, картинку, или что нибудь другое, не дорогое, но пріятное для дѣтей.

IV.

Читатель, прослушавъ начало нашего разсказа, можетъ быть уже поспѣшилъ придти къ мысли, что изображаемые здѣсь — священникъ и его супруга, проникнутые надлежащимъ пониманіемъ своего долга и благороднымъ стремленіемъ къ безкорыстной дѣятельности, — личности идеальные, созданные только воображеніемъ автора, а не выхваченные изъ жизни и дѣйствительности, какъ въ самомъ дѣлѣ существующіе предметы. Читатель съ подобнымъ мнѣніемъ неправъ. Дѣйствительно въ сословіи сельскихъ священниковъ насъ больше поражаютъ люди съ разными недостатками и уже вовсе непроникнутые безкорыстнымъ стремленіемъ къ общему благу и пользѣ, — однакожъ эти явленія отрицательнаго характера не исключаютъ возможности того, что гдѣ нибудь въ городѣ, селѣ, а часто вдали, въ глуши могутъ быть люди — далеко выдѣляющіеся изъ общаго уровня, люди съ душою доброю, съ сердцемъ образованнымъ, одушевленные искреннимъ и энергичнымъ желаніемъ добра и пользы, съ волей твердой и самостоятельной. Таковы и были въ дѣйствительности описываемые нами — священникъ и его супруга.

Что эти лица не слетѣли съ облаковъ и проникнулись благородными стремленіями не по задачѣ автора, а были, могли быть и должны были явиться такими въ дѣйствительности, представимъ въ объясненіе этого нѣсколько чертъ изъ ихъ прошлой жизни, которая уже заключала

въ себѣ довольно много такого (т. е. разныхъ добрыхъ свойствъ и благородныхъ стремленій), о чемъ мы говорили прежде и еще будемъ говорить...

Священникъ, Васил. Алекс., былъ сынъ сельскаго священника. Отецъ и мать его были люди весьма добрые и кроткіе, особенно мать отличалась такимъ нѣжнымъ и сострадательнымъ сердцемъ, что прихожане не даромъ называли ее матушкой-кормилицей; ея вліяніе на сына было самое сильное. Жили они очень бѣдно, и единственное средство къ существованію получали отъ усиленнаго труда. Всѣ полевые работы они справляли сами; потому сынъ ихъ, еще съ ранняго дѣтства, пріучался къ труду, помогая родителямъ въ ихъ хозяйственныхъ занятіяхъ. Даже и послѣ, уже пріѣзжая изъ училища и семинаріи на каникулы, онъ являлся самымъ ревностнымъ работникомъ. Смотри на его неустанный трудъ, бывало, даже крестьяне говорили о В. А.: «экой сынъ у батюшки вышелъ, — какой работникъ и какой мастеръ всякаго дѣла!» и любили его за это крестьяне. Да и В. А. любилъ крестьянъ своего села и нерѣдко, по цѣлымъ вечерамъ, проводилъ съ стариками прихожанами, толкуя съ ними о старинѣ, выслушивая ихъ преданія, сказки и пѣсни и разсуждая о разныхъ ихъ повѣрьяхъ и примѣтахъ. Вотъ здѣсь-то онъ и познакомился съ народнымъ языкомъ, съ народными воззрѣніями и народнымъ бытомъ, здѣсь-то и пріобрѣлъ умѣнье вести бесѣду съ простолюдиномъ, что впоследствии ему весьма пригодилось... Учился В. А. и въ училищѣ и въ семинаріи хорошо, особенно въ семинаріи начали обнаруживаться въ немъ и рѣдкое прилежаніе и очень богатая способности. Въ то время (это было лѣтъ десять назадъ) въ семинаріи, уже не въ рѣдкость, стали попадаться нѣкоторые наставники изъ молодыхъ весьма дѣльные, добросовѣстные и гуманные, съ любовью, усердіемъ и умѣньемъ занимавшіеся своей профессіей. Имъ-то и былъ обязанъ В. А. своимъ умственнымъ развитіемъ, добрымъ чувствомъ и пріобрѣтеніемъ

честныхъ и благородныхъ стремлений къ общественному благу. Но не школа, а жизнь завершаетъ развитіе человека, и В. А. свое окончательное развитіе, складъ характера, образъ убѣждений и свойства наклонностей приобрѣлъ уже внѣ стѣнъ семинаріи, отъ вліянія добраго и умнаго общества... По окончаніи семинарскаго курса, отказавшись, по слабости здоровья, отъ назначенія въ академію, онъ поступилъ, на время — до пріисканія себѣ мѣста въ епархіи, въ подлекаря семинарскаго больницы. Семинарскій докторъ прекрасный человекъ и любитель своей науки, не могъ не оцѣнить усердія и знанія молодого студента. Онъ сталъ приглашать его къ себѣ на домъ иногда по дѣламъ, иногда просто — для бесѣды и, замѣтивъ въ подлекарѣ достаточно знаній и благородный характеръ, предложилъ ему мѣсто домашняго учителя для своихъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ, бывая каждый день у доктора, В. А. встрѣчался съ разными образованными людьми, случалось — говорилъ съ ними о наукѣ, о жизни и пр., чѣмъ дополнялъ свои семинарскія свѣдѣнія. Но главное образующее вліяніе имѣла на него племянница доктора, жившая у дяди по смерти своихъ родителей. Это была во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная дѣвушка — весьма образованная, милая, добрая и красавица лицомъ. Еще задолго до знакомства съ докторомъ, В. А. не могъ безъ особеннаго удовольствія видѣть ее, — такъ много умнаго и симпатичнаго было въ лицѣ и глазахъ этой дѣвушки. Познакомившись же съ докторомъ домашнимъ образомъ и узнавши внутреннія прекрасныя качества его племянницы, В. А. отдался ей всей душой и сердцемъ. Онъ любилъ ее молчаливо, не смѣя высказать того ни словомъ, ни взглядомъ. Съ своей стороны и Ольга Никит. не осталась равнодушной къ В. А. Она видѣла въ немъ человека, хотя не свѣтскаго и даже нѣсколько мѣшковатаго, но умнаго, добраго, съ прямою открытой душой и не попорченнымъ теплымъ чувствомъ; каждая бесѣда съ нимъ открывала для нея болѣе и болѣе добрыхъ свойствъ въ В. А. Это самое придавало ей охоты заняться молодымъ человекомъ; она чаще и чаще стала съ нимъ гово-

рить, повѣряя ему свѣдѣнія, которыя имѣла, учила языкамъ, сглаживала въ немъ нѣкоторыя шероховатости въ обращеніи съ свѣтскими людьми, а главное — образовывала въ немъ охоту къ труду и развивала и возвышала стремленія къ дѣятельности на пользу общества. Два года молодые люди изучали и любили другъ друга, безкорыстно, безъ всякихъ видовъ и цѣлей, не зная, что изъ этой любви выйдетъ и суждено ли хотя одной мечтѣ ихъ осуществиться?... Они были увѣрены, что судьбѣ ихъ не соединиться, что въ жизни пойдутъ они по разнымъ дорогамъ, и все таки любили другъ друга, — таково свойство истинной любви, что она почерпаетъ свою силу и жизненность не въ надеждахъ и цѣляхъ, а въ глубинѣ чувства, безкорыстно благоговѣющаго предъ предметомъ своей любви.

Въ одно время В. А. получилъ извѣстіе, что священникъ села В—сь, дѣдъ его померъ, выражая желаніе, чтобы внукъ заступилъ его мѣсто для помина его души и для наслѣдованія оставшимся послѣ него нѣкоторымъ имѣніемъ. В. А. положительно не радъ былъ представившемуся ему мѣсту, хотя къ духовному сану имѣлъ постоянное призваніе и всегда желалъ быть сельскимъ священникомъ. Но теперь сердце его было не свободно... Что же было дѣлать?... «Ужели проститься съ Ольгой Никит?», думалъ онъ, и отъ одной этой мысли становилось невыразимо больно на душѣ, словно камень давилъ грудь, холодъ пробѣгалъ по членамъ, мысли путались. Однакожь, не видя для себя лучшаго исхода, онъ подалъ прошеніе къ Преосвященному объ опредѣленіи его на мѣсто дѣда священникомъ въ село В—сь, и все это время ходилъ, какъ приговоренный къ смерти. Резолюція объ опредѣленіи его состоялась и онъ получилъ билетъ для женитьбы. Съ мучительною тоскою въ сердцѣ, съ тяжестью въ головѣ онъ пришелъ къ доктору, чтобы проститься съ нимъ и его семействомъ, предъ отъѣздомъ своимъ изъ города. Докторъ и его супруга искренно его пожалѣли и напутствовали разными благожеланіями, при

чемъ докторъ подарилъ ему нѣсколько медицинскихъ книгъ и нѣкоторые препараты для будущей лечебной дѣятельности, которой В. А. не хотѣлъ оставить и въ должности священника. Ольга Никит. была на верху и занималась съ дѣтьми своего дяди. Дѣти попрыгали съ мѣстъ, завидя В. А., и когда узнали, что онъ уѣзжаетъ отъ нихъ, повисли къ нему на шею и начали умолять его не покидать ихъ—остаться съ ними: они очень любили всегда ласковаго и добраго къ нимъ В. Алек.

— Прощайте, Ольга Никит., сказалъ В. А., протягивая ей руку, а у самого сердце разрывалось на части и готовы были брызнуть слезы.

— Прощайте, проговорила Ольга Никит., блѣдная и грустная: она уже знала отъ родныхъ о назначеніи В. А. на мѣсто.

У В. А. показались слезы: не могъ-таки онъ совладать съ ними.

— Что это вы В. А., мѣсто получили, ѣдете жениться, а какъ будто печальны, замѣтила не менѣе его страдающая дѣвушка. Есть у васъ невѣста? добавила она.

— Нѣтъ,—искать еще нужно.

— Дай вамъ Богъ сыскать такую же добрую, какъ вы; не спѣшите выборомъ, узнайте хорошенько свою суженую.

— Ольга Никит., проговорилъ въ отчаяніи В. А., гдѣ можно найти въ нашей глуши такую дѣвицу, какъ вы, а я только такую желалъ бы имѣть жену... И новыя слезы не позволили ему досказать своихъ словъ: такъ ему было тяжело, горько проститься съ той, которую онъ давно любилъ въ душѣ своей.

— Если я вамъ нравлюсь, проговорила, вся вспыхнувъ, Ольга Никит., то возьмите меня за себя, — все равно — у васъ вѣдь нѣтъ еще невѣсты.

Это наивное признанье доброй, безхитростной дѣвушки совсѣмъ озадачило молодого человѣка.

— Что я слышу, Ольга Никит.! Развѣ вы пойдете за меня, сельскаго священника, въ бѣдный приходъ, въ глушь? не понимая себя отъ радости, восклицалъ В. А.... Ему до сихъ поръ и въ голову не приходило, чтобы Ольга Никит.,—дѣвушка образованная и такая красавица пошла за него за мужъ, особенно когда онъ получилъ назначеніе въ сельскіе священники. Кромѣ того, по какому-то странному недоумѣнію, онъ считалъ ее дѣвушкой-дворянкой или вообще свѣтской, которую взять за себя священнику, по его мнѣнію, даже и непозволительно было.

— Всюду пойду, хоть на край свѣта, съ преданностію и беззавѣтною любовью отвѣчала Ольга Никит., чувствуя, въ самомъ дѣлѣ, что она все готова сдѣлать для любимаго человѣка.

В. А. воротился къ доктору и, краснѣя и заминаясь, попросилъ у него руки его племянницы. Докторъ былъ изумленъ этою неожиданностію и для разъясненія дѣла позвалъ къ себѣ племянницу. Та стала на колѣна предъ дядей и теткой и попросила ихъ благословить ее—выдти за мужъ за указаннаго ей сердцемъ и самимъ провидѣніемъ жениха.

— Какъ же это, Оля, ты хочешь въ село, за священника, — подумала ли ты объ этомъ, другъ мой? все еще недоумѣвая, спрашивалъ докторъ.

— Тебѣ, милая, мы и здѣсь найдемъ хорошихъ жениховъ изъ чиновниковъ или изъ офицеровъ. Ты знаешь,

что мы любимъ тебя, какъ свою дочь, проговорила озаченная тетка, въ самомъ дѣлѣ искренно любившая племянницу.

— Благословите, тетенька, — я желаю пожить въ селѣ и буду счастлива съ В. А., просила племянница.

— Въ самомъ дѣлѣ, другъ мой, за чѣмъ мы ее отговариваемъ выходить за священника, сказалъ подумавъ докторъ. Мой отецъ и ея отецъ были то же священники. А В. А. такой женихъ, какого я лучше и своей дочери не пожелалъ бы. Съ Богомъ, друзья мои, благословляю васъ, живите хорошо. Вездѣ можно дѣлать добро. Тебѣ, Оля, я отдаю все приданое которое уже давно для тебя приготовилъ.

Такъ дѣло и устроилось: В. А. женился на той, которую любилъ, и которая его любила, — и стали они жить съ пользой для себя и для другихъ.

Но возвратимся къ прерванному разсказу.

(Продолженіе будетъ.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

НИЖЕГОРОДСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

въ 1865 году.

Нижегородскія Епархіальныя вѣдомости будутъ издаваться и въ слѣдующемъ 1865 году по прежней, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ; выходить будутъ также два раза въ мѣсяцъ брошурованными тетрадями въ 8-ю долю, отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ и болѣе.

Цѣна годовому изданію прежняя: безъ пересылки и доставки 4 р., съ пересылкою по почтѣ и доставкою на домъ въ г. Нижнемъ 5 р.

Подписка принимается: 1) въ Нижнемъ — въ редакціи Епархіальныхъ вѣдомостей при Нижегородской Семинаріи и въ Духовной Консисторіи, 2) въ двухъ существующихъ духовныхъ правленіяхъ Нижегородской епархіи, у начальниковъ духовныхъ училищъ и особенно у мѣстныхъ Благочинныхъ. Иногородные съ своими требованіями благоволятъ обращаться исключительно въ Редакцію Епархіальныхъ вѣдомостей.

Редакція покорнѣйше проситъ желающихъ получать Епархіальныя вѣдомости какъ можно обстоятельнѣе и яснѣе обозначать свое имя, фамилію, мѣсто (куда должны быть высылаемы номера вѣдомостей) и количество экземпляровъ, означая при семъ и то, чрезъ мѣстнаго ли Благочиннаго редакция должна высылать подписчику номера вѣдомостей (если требованіе не отъ Благочиннаго), или прямо причту N церкви.

Высылка денегъ, слѣдующихъ за экземпляры вѣдомостей, для бѣдныхъ церквей и несостоятельныхъ подписчиковъ, можетъ быть разсрочена на два раза: одну половину денегъ (2 р. или 2 р. 50 к.) выписывающіе Е. В. благоволятъ высылать въ началѣ года, а другую въ іюнь мѣсяцѣ, но не позже. Заявленіе же о желаніи выписывать вѣдомости должно послѣдовать необходимо въ началѣ января, чтобы Редакція могла знать, какое количество экземпляровъ она должна печатать.

Статьи и письма, присылаемые въ редакцію для помѣщенія ихъ въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, будутъ принимаемы отъ всѣхъ съ благодарностію и при первой возможности будутъ печатаемы, если только присланные труды окажутся согласными съ духомъ программы, и будутъ заключать въ себѣ что либо полезное по содержанию и доступное для пониманія большинства по изложенію.

О продолженіи изданія въ 1865 году журнала
«ДУХЪ ХРИСТІАНИНА».

Духовно-литературный журналъ «Духъ Христіанина», поступивъ въ исключительное распоряженіе нижеозначенныхъ редакторовъ-издателей, будетъ издаваться въ 1865 году съ января, ежемѣсячно книжками отъ 8 до 12 листовъ. Не измѣняя прежней утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программы, редакція будетъ заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, были сколько возможно *общедоступны и жизненны*. Цѣна журнала остается прежняя: 4 р. с. съ пересылкою и доставкою и 3 р. 50 к. с. безъ пересылки.

Полные экземпляры журнала «Духъ Христіанина за 18^{61/62} и за 18^{62/63} можно получать въ редакціи по 2 р. 50 к. сер.; а цѣна экземпляровъ за 18^{63/64} годъ остается прежняя: 4 р. с. съ пересылкою и 3 р. 50 к. с. безъ пересылки.

Подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями *исключительно: въ редакцію журнала «Духъ Христіанина»*, помѣщающуюся въ квартирѣ священника Христо-рождественской, что на Пескахъ, церкви Александра Васильевича Гумилевскаго.

Редакторы-издатели: священникъ *Александръ Гумилевскій*.
священникъ *Іоаннъ Флеровъ*.

«ДЕНЬ», — подписка на 1865 годъ.

Съ 1865 года мы дѣлаемъ нѣкоторыя измѣненія какъ въ наружномъ форматѣ Дня, такъ отчасти и во внутреннемъ его составѣ. Объемъ газеты, по количеству строкъ,

нѣсколько увеличивается, но форматъ избранъ нами, кажется, болѣе удобный для чтенія, и листы будутъ вкладываться одинъ въ другой, такъ чтобъ не было надобности подбирать ихъ и сшивать вмѣстѣ.

Нечего и говорить, что программа Дня, его направленіе, его знамя—тѣ же, что и прежде. Но мы намѣрены въ будущемъ году дать особенное развитіе критическому отдѣлу и представить читателямъ цѣлый рядъ критическихъ обзоровъ, какъ отдѣльныхъ книгъ, такъ и журналовъ. Получивъ дозволеніе открыть у себя политической отдѣлъ, мы имѣемъ теперь возможность и право отзываться чаще и полнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, на событія внѣшней политики. Затѣмъ, кромѣ передовыхъ статей, мы дадимъ мѣсто небольшимъ бѣглымъ замѣткамъ редакціи по вопросамъ второстепеннымъ и явленіямъ ежедневной общественной жизни.

День будетъ по прежнему выходить еженедѣльно, по субботамъ, въ числѣ 52 №№ въ годъ. Подписная цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ — за годъ: безъ доставки *шесть* рублей, съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города *семь* рублей; за полгода: безъ доставки 3 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою *четыре* рубля.

Подписка принимается: *въ Москвѣ*: въ редакціи газеты День на Большой Никитской, въ домѣ князя Воронцова и въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова на Страстномъ бульварѣ; *въ С.-Петербургѣ*: въ конторѣ Дня, въ книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова на Невскомъ проспектѣ и въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова; въ Вильнѣ при книжной торговлѣ Сеньковскаго и К^о. и въ Казани въ книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, а также въ газетныхъ экспедиціяхъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ. Редакція, впрочемъ, отвѣчаетъ за исправную доставку номеровъ только тѣмъ подписчикамъ, которые подписались въ самой редакціи или въ С.-Петербургской ея конторѣ.

Согласно выраженному намъ желанію, допускается для гг. чиновниковъ подписка съ разсрочкою въ платежѣ, но не иначе, какъ въ редакціи или въ книжномъ магазинѣ

Д. Е. Кожанчикова, и чрезъ официальное посредство
гг. казначеевъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они служатъ.

Редакторъ и издатель *Иванъ Аксаковъ*.

О КНИГАХЪ, ИМѢЮЩИХСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ У ИЗД. А. КИРЬЯКОВА,
въ Москвѣ (въ Синодальной типографіи).

I. Избранныя поученія 12-ти Архипаст. Рус. церкви
съ 12-ю портретами: а) на бѣлой бумагѣ по 2 руб. сер.,
б) на полубѣлой бумагѣ по 1 р. 50 к. сер.

II. Избранныя поученія 12-ти Архипаст. Рус. церкви
(16 поуч.) съ 12-ю портретами: а) на бѣлой бумагѣ по
1 р. 20 к. сер., б) на полубѣлой бумагѣ по 1 р. сер.

III. У того же издателя получаютъ слѣдующія учеб-
ныя книги: 1) Латинско-Русскій словарь по 25 к. сер.,
2) Русско-Латинскій словарь по 25 к., 3) Латинская
фразеологія по 15 к., 4) Латинская теоретическая и прак-
тическая грамматика по 15 к., 5) De viris illustribus urbis
Romae, 6) Biograph. Corn. Nepot. по 15 к. сер.

IV. Чрезъ него же получать можно всѣ книги, поиме-
нованныя въ каталогѣ (1861 г.) Синодал. лавки.

V. Альбомъ А.) портретовъ, а) духовныхъ лицъ,
б) Высочайшихъ Особъ, в) Рус. поэтовъ; Б.) ланд-
шафты по 3 руб.

VI. Латинск. хрестом. 1, 2 часть 2 руб.

VII. Объясненіе литургіи для прост. народа по 10 к.

VIII. Объясненіе симв. вѣры, молитвы Господней и
десяти заповѣдей для прост. народа по 10 коп.

IX. Подарокъ дѣтямъ (избранныя лирическія стихотво-
ренія Русск. поэтовъ), съ 18-ю портретами и 9-ю ланд-
шафтами отъ 2—1 р. сер.

Выписывающимъ 10 экз. и болѣе уступается 20%.

Редакторы: *И. Тихомировъ* и *Г. Полищадовъ*.

Дозволено цензурой. 30 Октября 1864 года. Цензоръ Ректоръ семинаріи
Архимандритъ *Гувскалій*.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.